

ОММЕНА

★ ДАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

БЕСЕДЫ ВРАЧА

Пригласт.-доцент Н. МЕЛИК-ПАШАЕВ.

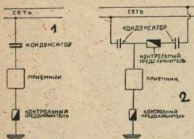
ОТЧЕГ НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ СМУЩАЮТСЯ НА СОБРАНИЯХ ВО ВРЕМЯ РЕЧИ И КАК С ЭТИМ БОРЬБОУ?

Моглае, красноречиво Л-ву. Ситуация, которое охватывает нас на собраниях, мешая нам ясно и поно высказат наши мысли, повидимому, может быть объяснено повышенной сложностью, собственной вашему характеру. Времи и продолжительности трияэнка в ясном и спокойном ичужения своих мыслей сперва в тес-

ном кругу близких товарищей, а затем и на больших собраниях — вот путь к самостоятельному пересознанию себя в указанном смысле. Кроме сего, очень рекомендуема вам перед выступлением составить краткий конспект того, что вы думаете высказать. Если вы мало общительны и робкий человек, старайтесь втягиваться в круг товарищей, будьте общительны и разговорчивы. Если указано вам советы не привнесу пользы, попробуйте поделиться шумением у врача-специалиста (гипнотизера).

Радиоприемник без наружной антенны

Статья И. Мещикова.

1. Прием на осветительную сеть при включении на один провод. 2. Схема приема на осветительную сеть с клеммой оба провода.

Очень часто радиолобители, желающие повесить на крыше дома антенну, дичие возможности это выполнять. Водерках, почти всегда в большом доме находится несколько нежелательных соседей, которые, своимую свою антенну раньше, уже нависая на крыше лучше помини, а во-вторых, с повсекой антенны надо принаком возится, а этого не хочется, да и просто некогда. К тому же, существующие иы и в сталь включения на один провод.

Прим на осветительную сеть: д. таль включения на один провод.

Все это заставляет любителей отказаться от наружной антенны и перейти к приему на комнатные суррогатные (не настоящие) антенны. Кстати сказать, в этом вопросе наше молодое радиолюбительство оказалось более гибким и пошло навстречу лютецам.

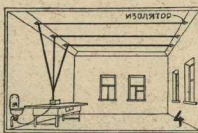
Настоящая статья призывает читателей, как принимать на суррогатные антенны, в связи с новым постановлением Московского Совета, а также к приему на комнатные суррогатные устройства внутренних комнатных антенн.

Прежде всего, в качестве комнатной антенны можно быть использованы провода электрического освещения и телефонной сети.

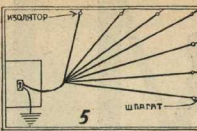
Для приема на телефонную сеть достаточно оголить конец телефонной проволоки, обернуть его вокруг брони телефонного кабеля и присоединить к клемме радио-приемника вместо антенны. Необходимо сделать, чтобы при этом был хороший контакт. Кроме того, не повреждая брони, разрешается присоединиться и к самой жиле телефонного кабеля, включив последовательно перед приемником конденсатор, емкость порядка не более 1000 сантиметров. Как тот так и другой способы дают почти одинаковые результаты.

При использовании в качестве антенны осветительной сети необходимо перед приемником последовательно включить слюдяной радиочастотный (предохранительный) конденсатор порадка 800—1500 сантиметров, лучше всего переменной емкости. Кроме того, перед заземлением необходимо включить контрольный предохранитель, коэффициент сопротивления на 0,1—0,2 ампера (см. рис. 1). Как видно из этого рисунка, однополюсная вилка включается в одну из гнезд штепсельной розетки, а предохранитель здесь служит легковоспламеняющийся предохранитель типичной конструкции, вставленный в специальный патрон.

Можно присоединить приемник сразу и к двум проводам осветительной сети, как показано на рис. 2. Однако, так как в этом случае требуются

Треугольная комнатная антенна.

Верхообразная комнатная антенна.

для разделительных конденсаторов и два контрольных предохранителя, а прием получается почти такой же, как и в случае, указанном раньше, гораздо проще первый способ, который и следует предпочесть.

Учтемся с вами при таком приеме разделительные конденсаторы, свободно пропускающие ток радиочастоты, возбуждаемые в проводах электромагнитными волнами, представляют большое сопротивление для тока низкой частоты, которое вследствие этого не могут пройти в приемник.

Разделительные конденсаторы, согласно олутичных правил, должны иметь пометку губернского электротехника.

Принимать на осветительную сеть разрешается в том случае, когда напряжение сети не превышает 220 вольт.

Помимо приема на осветительную и телефонную сети, можно пользоваться и другими комнатными антеннами, способом устройства которых чрезвычайно просто и зависит прежде всего от инициативы любителя.

На рис. 3 изображены верхообразная, треугольная и изглагообразная комнатные антенны. Материалом для этих антенн служит обыкновенный зонированный провод толщиной 0,8 мм, как изоляционный, так и голый. Лучшим является следует прикреплять на расстоянии 15—20 см. от стены и потолка, для чего можно взять обыкновенный гвоздь, призываемый к вбитым в стену гвоздям. В качестве изоляторов можно воспользоваться обыкновенными антенными изоляторами, или роликами, употребляемыми при прокладке электрического освещения. Длина антенны должна быть не меньше 30—35 метров; оптимальным путем в время видения антенны, угляния или укорачивания ее, можно добиться наилучшей слышимости.

Как видно из рис. 3 лучи верхообразной и треугольной антенны сходятся у приемника в одной точке. Расстояние между антенной и приемником должно быть примерно 0,3—0,8 метра.

Ответы радиолюбителям

ПИОНЕРАМ г. НАДЕЖДИНСКА.

Вопрос. Какой длины и высота должна быть антенна приемной радиостанции при расстоянии от передатчика в 300 км.

Ответ. Антенну возьмите в длину 24 м, высоту 60 м. Повесьте антенну над на высоте от земли в 20—25 метр. Прием возможен на расстоянии 300 км от передатчика на приемник с кристаллическим детектором.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. ЛЕНИН—Чтобы победить. М. КОЛОСОВ—Десять верст (рассказ). Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ—Что нужно для лесной победы Октября (статья). ИТЭ ЗАК. Бойбист (рассказ). С. БИРИКОВ—Фронтные (поэма). Ю. БОЧАРОВ—1905—1905 года в деревне (статья). И. АДОС—Октябрьские дни (боевая дружина молодежи в Озессе). И. РУДНЕВ-РАЗИН—Кухарки дети смеют учиться (статья). И. ВАС—Крылов род (очерк). М. ПОДЗЕЛСКИЙ—Тонгский баяла (рассказ). В. ВЕРЕВКИН—Очень сильный муссов (С мандатом «СМЕНИ» вокруг света). Вяч. МУРАВЕВИЧ—Победит ли дарвинизм (статья). Д. ГАЛАНИН—Советский правый (статья). В. М.—Наука в стране Советов (статья). Р. РОМАН—Почему Арчыбауль Брай не нравится комсомольцам (фельетон). И. МЕЛИК-ПАШАЕВ—Радио-приемник без антенны. К. ЗАКС—Помощь юриста.—Почтовый ящик.—Новые книги.—Ребусы, шарды и загадки. Пр.-Воспит

Обложка работы художника И. СОКОЛОВА, иллюстрации художников: Г. БЕГШАНСКОГО, В. ДОБРЮЛЕНКО, В. ЕФАНОВА, Г. МЕРКУЛОВА, В. СУТЕНОВА, Г. ТОЛКАЧЕВА, К. УРЕВТИСА, Д. МЕЛЬНИКОВА, фотографии Ф. ЗУБОВА.

РЕДКОЛЛЕГИЯ { А. Горлов, П. Колесников, С. Соболев, С. Федоров, Д. Ханин.

Отв. Редактор. П. КОПЕСНИКОВ.

«СМЕНА»

привожется к газетам:

- 1) «МОЛОДОЙ АЕДИНЕЦ» — орган Московского К-та РАКСМ.
- 2) «НА СМЕНУ» — орган Уралбиро Ц-тразального К-та РАКСМ.
- 3) «МОЛОДОЙ АЕДИНЕЦ» — орган Центрального К-та АКСМУ.
- 4) «МОЛОДОЙ ШАХТЕР» — орган Донбасского Губкома АКСМУ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ОРГАН

Центрального и Московского Комитетов Российской Ленинского Комсомола.
Из-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСКА ПЛАТА
на 1925 год.

На 1 год — 24 ном. . . . . 5 руб. 60 коп.
6 мес. — 12 « . . . . . 3 « 75 «
3 « — 6 « . . . . . 1 « 50 «

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

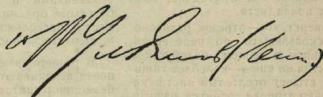
Москва, Новая площадь, д. 6/8. Тел. 1-87-13.
Рукописи редакцией не возвращаются

Под руководством Ильича РКП (б) повела рабочих и крестьян в Октябрьскую Революцию. Под руководством РКП (б) рабочие и крестьяне идут быстрыми шагами в царство социализма.

ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, — увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелко-буржуазные слои на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы. Но эта задача более существенна, чем первая, ибо, в последнем счете, самым глубоким источником сил для победы над буржуазией и единственным залогом прочности и неотсмысленности этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелко-буржуазного производства крупным социалистическим производством.

ДЕСЯТЬ ВЕРСТ

М. КОЛОСОВ, иллюстрации В. ЕФАНОВА

Посвящается

И. Реднегу-Разину.

Провождаемый радостными улыбками, поезд отстал.

...РОДИНУ, где камень, кинутый в городского убелает волос кинувшего седина, могут жить только гороховые, а Яну 18 лет—у него голубые глаза и проступающая проседь. По профессии Ян слесарь. Время, наполняющее золотом карманы папа Писта (владельца мастерской), заставляет слесаря сделаться землекопом. Ян выдержал экзамен на новую квалифиацию: подкоп, вырытый им в торные спас жизни трем.

Пять суток волеи свободы стоят года тюремной неволи. Ночью, переходя границу, в зарослях березняка, изнемогаюая, Ян крикнул, отторгнутой одним шагом родине.

— Погоди, Польша, мы еще пройдемся по тебе с триумфом...

Где-то неподалеку грохнул выстрел. Мшистый туман всполоз над зарослями; утро подымало мутное, сощасяеся сыростью; исклоченные с блага струялись, размывая кое где еще мерцавший мусор знеда, но в груди у Яна уже ломало льды и трепыхало боем разгоряченное советской землей сердце!...

I

ДЕСЯТЬ верст—это от Колосова до Столбцов. От полустанка, где разбит польский пограничный пункт до первой крупной пограничной станции, это—отрезок насыпи, лежащей на чужой земле, где дефензива, приставы, урядники, где мужик зол и углодлив, баба согбенна и покладиста.

Десять верст, это—отрезок рельсового пути, скользящего по перелескам, столь обычным в нашем белорусском крае, где, куда ни кинь,—колеблет тишину береза стывает оголтелый лист осиника и только изредка доиснятся пажики, похожие на спелые бабы хустки.

Эти десять верст необходимо пройти нашему советскому поезду. Он идет с Койданова, веселя воздух и кружа землю через пограничный пункт—Колосово в осиннике, в березянке, где мхи пахучи, корневища редки и приземисты, угрю-

мые грибы хмельны; в истощной самогонной сырости еще нередко встретите неубранные раны земли; черепки снарядов густо перемешаны здесь с жествью разложившихся консервных банок, с кольцами ручных гранат: черная вода еще точится в окопах, но зубы проволочных заграждений прочно притупились ржавчиной и потным папортиником; земля глотит зеленью разрозненный металл и толпит его в сырой почве.

В Колосове остановка—две минуты. Поезд упирается в шлагбаумы—в пограничный столб, в арку, живо напоминающую такие же досчатые наспех сколоченные в Могилеве, в Быхове, в Можайске, в честь Октябрьской или иной годовщины. Арка принадлежит нам. На ней флаг СССР и надпись: «КОММУНИЗМ СНЕСЕТ ВСЕ ГРАНИЦЫ».

В ответ ей молчит польский пограничный столб, впитав вперед медную с узкоголовым орлом грудь. На белой бронзе выбиты тупыми буквами: «ЖЕЧЬ ПОСПОЛИТА». От дождя флаг мокнет, белое алеет, и офицер польский обязательно меняет пораженную дождем материю, с ненавистью поглядывая на арку.

Каждый раз, когда доносится до арки глухой, захлебывающийся свист и сонную тишь рельс встряхивает гул, ощущают стывающие по обеим сторонам границы флигели. Из флигелей вскакивают и бегут бойцы. На них форменные гимнастерки, шлемы с альмами, манящими пилу-ульниками и фуражки с острыми бесельными орлами. Отчетливо звучит команда; несколько винтовок отделяются и, кольчась, носятся вдоль насыпи.

В разнерживающийся на чужой земле поезд вскакивают часове. В ласиурном безмолвии винтовок машинист трогает и гонит паровоз за десять верст до первой пограничной станции. В рельсовом се раздолби поезд делает свои маневры, перебарывая груз на польские саставы.

Когда перестают свистеть и дребезжать гудки, сигналы сцепщиков стухе- вываются в тиши на станции, поезд по-

дают на первый путь, он издает густой вздох и порожняком прет до родного Койданова.

Оттого и странный здесь народ машинисты. Случай был с Коржиновым Захар Ивановым, который рассчитал, что паровоз его лойдет в Польшу утром 3 го сентября.

II

ВЕЧЕРОМ под светлый праздник Захар Иваныч, неуютный Койдановский машинист, сидел в Койдановском станционном клубе, коренстый и низко- рослый, с лицом бурым, просверленным осяой, на котором ласково мотались об- ветшалые глаза.

Перед ним на небольшом столике, приставленном к буфетной стойке, стоял стакан желтого невзрачного чая (Захар Иванович уважал пиво и пришел в клуб несколько навеселе).

Жужур, в пламенном сиянии электрической лампы, в разговоре соиме говоров и всколыхнувшей стулалась комсомольская бравада. Был атирикт, и публика, как отработанный в циндиде пар, вывалилась из дверей зрительного зала; заторы усложнялись в коридорах, возбужденные лица парней и девушек сплетались в буйно-трещущие гирлянды.

Сидя за своим столом Захар Иванович всматривался в русые, курносые и инные лица. Не так ли — думал он, Бабья, и кандидат Российской Коммунистической Партии — поднимается новая молодая поросль над топью свергнутой жизни. Не так ли... — юдывается соболенная сотнею кружков, вышколенная и вымуштрованная рабочейкой новая суровая молодежь.

Попыхивая и рассуждая так, Захар Иванович увидел вдруг знакомое лицо парня. Он плыл в лучине смуглых людских тел, отчаянно гребя локтями. Его лицо было, как и прежде, широко раскрыто со странно остановившейся улыбкой. Огромные его глаза блеснули, точно кто-то смазал их голубым лаком. В парне трудно было бы узнать Яю, но машинист узнал его и вспомнил, как заведенный от местной МОПРа принимал юношу на пограничном пункте, как бегал по «Н. С.» и «П. Ч.» с просьбой от чейки дать ему работу. Теперь Яя так же походил на иностранца, как индюк на курицу. На нем была синяя о прозедахта блуза; как все ребята, он носил ее по вечерам с галстуком, лелея, как обновку.

Яюв, закричал Захар Иванович, подзвал парня и указывая место подле себя, или не узнал МОПРа? Или — как устроился в Сесере, значит, пропавший всемирная со всеми потрохами. Или как?

В разгоряченном лице Яя медленно погас свет. Как некогда (когда впервые увидел этого старого и приземистого человека), стало трепетно и тепло в сердце. Язык снова захромал по каменным ухабам народной речи: Яя сиял сказать что то, но не смог связать выходящие непослушные слова, и когда шел на жесткую сухую лауку, как в кино упыля клуб, в сознании заморозла ровная, неуженная колея, за комеро стынущая тишина родины: извилина ведет в Лодзь по узким и кривым улицам.

На гроащем базаре, в ворохе людских лиц, мясное, искаженное лицо хозяина... И вот она — задуханная мастерская. Темный свет льется в пыльные полуподвальные окна. Кто это стоит теперь у замордованных тисков?

— Вот что, — пробасил Захар Иванович, глухо наклоняясь к Яю, — ты, вишь, по родине затосковал, а мне завтра ехать туда, просись за кочегара, что-нибудь сваришь для панов по случаю вашего дня-то.

И оня вышли в осеннюю, моргающую огоньками станцию. Она всплыла, качаясь красными и зеленоватыми огнями. Глухо уха, надвинулась на слух.

Прятели прошли по шпалам и запасным путям. Отгула, обогнув мостик, уже видать дальние Ивановские огоньки. По лесу, промеж деревьев, по лугу, промеж стогов скошенного пахнущего

сена, ровным приводным ремнем скользит тропка. Вот уже видна изба дяди Илата. Крупным рилом упрется она в выгон. Сразу отдалась в уши грянувшая на деревне гармонь, и сверлящие голоса девчо, хорохорясь, понеслись низом. В синей глубине неба наливались облака.

Захар Иванович отворил дверь псамурной своей избы. Вскоре вспыхнул ночничок, и машинист вышел, закуривая нахоу трубку — из-под его плеча нежно серелился топор.

— Вот что, — пробасил он, топором елок нарубить надо... сходим с тобой, или как?

III

УТРОМ, когда солнышко, косясь, сидит пригориши своих лучей и сербриг рельсы, черная земля лежит как труп. Попыхивая и клубясь дымом, вспаривают в пространство поезда, под крик сцепщиков, под улюлюканье гудков, либо тогда паровозам реять по остальному неуемному раздолью, погрозхотывая. Прорезая стрелки, проскользять по насыпам в туннели, под мосты, сигнализируя мелькающим платформам.

Из Кйдановского померявшего дело выгнал Захар Иванович поеньный, сверкающий паровоз. Альне полотно кучаща плотно облегли его вороние брюхо, ветви молодой ели испсалили до бускам. На груди Захар Ивановича, наколотый на красный шелк, сверкал Ленин, вырезанный из огромного портрета. Захар Иванович суетился возле рукоятки, реверса, инжектора, монометра и водопроводных кранов. В зияющую тишину топки из тендера подбрасывал дрова Яя.

Провожаемый расцветками улыбками собравшейся толпы, товарный поезд отошел от станции Койданово. Прохвывая, прижимая версты, поезд шел, разбрасывая рев по насыпи, и первый встретившийся стрелочник смыхнул шапку, радостно сверкнув глазом. Смывали и сверкали паровозу стрелочки, пастухи, поля и даже скот, разбуженный и пьяный праздником.

В горячем вихре поезд подошел к арке. Захар Иванович пердвинул реверс и крунул ручку регуляторного золотника. Обгортавший в цилиндрах пар заколотал в фортовом конусе.

Захар Иванович выгнулся из окна. Спокойное сияние глаз из-под напухших пасмурных бровей, теплый русый волос, выходящий из-под запрокинутой фуражки и все еще неостывшее, скраснейшее и залитое потом лицо его — радостно приветствовало красноармейцев. На пограничном пункте русые, безбровые оня только что прослушали доклад и, победив, прохладжались на завалинках. Иные, эдвими махоркой, подходили к пограничному полюсу. За полюсом польские пограничники вяло опускали топоры на шею бревен. Попыхивая старой, офицер в золотом расшитом воротнике подкидывал на тех, кто нет-нет, да и метнет взгляд в сторону разукрашенного паровоза.

Часовые уже стояли наготове. Волнение знобило их. Не теряя деланной степенности, офицер хитро следил за аркой.

Раздался короткий свисток. Белокурый пар взвился над паровозом, и в ту же минуту круто повернул голову офицер — криком взвизвала воздух.

К подножью польского узкоголового ордя нехотя склонился шлагбаум. В расплеснутом томящем молчании Захар Иванович стремительно рванул тормоз Паровоз попятился, тремя подпрыгнул и еле сдерживая бунтующий в котле пар. Машинист высунул в окошке перекошенное гиевое лицо свое и прокричал:

— Эй вы!... что же это вы!... Губи вашу власть!... Долго этак паровозу спортится!... Триси ваше болото!...

Сквозь хрип и свист пещеющегося паровоза, склоняясь и сгибаясь в теле, услышал Захар Иванович шлепяющую польскую речь:

— Проше, пане, зеньть!... Проше, бо то наруше ваш закон!...

— В прояснившись от облачного пара воздухе наметилось лицо поручика, упруго выстроганное и белое, похожие на два герба, глаза.

— Проше, — повторил он, — наступаю на машиниста.

Захар Иванович выломал в лице улыбку и отыскал веселье...

Захар Иванович выломал в лице улыбку и отнесся вежливо, стараясь не подкачнуть Чикерию.

— Никак не могу, пан... Потому паровоз в роде — наш... Мог бы я его, скажем, детьем вывазть, а вот видишь, в кулачешко вырядил, что вашему закону следует?

Поручик обнажил топочную золотую пасть. Гербы уставились, леденя движения. Машинист неловко сранул телом, заморгал глазом и раскряп рот. Поручик предупредил:

— Бардзо проше... Пан музе же паровоз ваш, вьерно, але пше прадем — пан хце едзити по нашей территории.

Захар Иванович, рассуждая, молвил:

— Территория, матушка — она мирная. Ей все одно, какой конь по грудям топает...

Повидимому, офицер вовсе не любил шуток. Походив в глазах, он пододвинулся вплотную так, что машинист почувствовал резкий запах одеколона и острую струю воздуха, рвущуюся из ноздрей поручика. Офицер заговорил по-русски:

— Машинист, если вам поручен паровоз, то не для того, чтобы нарушать мирное отношение к государству. Если вы не снимете всю эту агитацию — я буду звонить по прямому проводу, я буду...

Он не дождался угрозы, ища слова. — То-ись как? — спросил Захар Иванович, и лицо его стало похоже на запущенное паровозное кладбище.

Незаметно с'ежившись, он устремил расстряно свой взгляд на около стоящих красноармейцев.

Натруженно дыша они хранили молчание. Захар Иванович натолкнулся на лицо начальника. Оно было недвижно и невыразительно, как обнаженный холм. Ни один мускул не бороздил упрямой целины его.

Захар Иванович оттолкнул взгляд и, несколько помявшись, брякнул:

— То-ись как? — упрямо повторил он, — должен я свою инициативу выставить или как? Раз мне паровоз дален, то и должен гнать по расписанию. А вы что же, гонье на меня хотите сделать, или как? Ну, я человек не гордый, — раз на то пошло, что пан в бутылку дзет, я снимаю...

И машинист нехотя полез в будку. Недовольно пыхкаясь отборным матюгом, отплеываясь и шипя стал ртыться в инструменте. Неуютные руки его задергались, как пушенные на прозволов судьбы, поршни и железно скулило странно, тупым широко-растопыренным лязгом.

Длинный, опоясанный бриллиантовым кольцом, ладец офицер устремил в Ленина.

Захар Иванович потемнел в лице:

— Братцы, — заговорил он, растерянно обращаясь к красноармейцам, — ну, допустимо ли это... А?

И вдруг лицо его изменилось. Захар Иванович побагровел в глазах. Они выкатились на лоб и заваржились желтыми, с лучками розово-красными жила белками. Руки у него взыбли.

— А-а-а... Лл-е-ни-наа?... — заскрежетал он, заманувшись, — я тт-е покажу пудель долбаный... я те... вот чего уду-мал? — Н-нет врешь, гад, покуда ты мне Ленина из груди вырешь, я-те всех твоих петухов побломаю...

Кто-то задержал сзади взымшую захарову руку. Кто-то подбежал еще и задержал — другую. Захар Иванович застонал и, точно зверь в клетке, заметался в чьих-то тяжелых объятьях. Он заходил грудью, подымая дощину нависших на него тел и зарычал глухо, оглашая вспугнутый простор неуютным своим матом.

... Пока ты у меня Ленина из груди вырешь, я те всех петухов побломаю...

Машинист выхватил, наконец, нужное и соскочил на насыпь. Дырвая ямочные ямы в рыхло-расползавшемся песке прошел к носу кренящейся своей походкой.

Не глядя на солдат, глухо оборвал ель. В медленном мычащем молчании и в нависшей тишине, раздался короткий рев рвущегося кумача.

Из под олавшего наряда обнажился вороняя сталь паровоза.

Безнадеежно путаясь в ветвях, глухо победнейшей зелени, Захар Иванович странно зытопался на месте, обводя строгие ряды солдат мутно обветшалым взглядом.

Кто-то усмехнулся ему, оскалив судорожно ходившие челюсти; кто-то тихо выругался и хотел громче, во наткнувшись на глаза начальника подавил рвущуюся в высоту ноту.

Шагнувшего с трудом машиниста снова остановил офицер. Самодовольное лицо его сверкало. Петушились острые, похожие на два герба, глаза. Отщепивая каждое свое слово, он произнес:

— Машинист, вы позабыли снять главное...

IV

СТОЯЩИМ неподалеку видно было, как медленно уползал поручик. Его лицо выложили желтые густые пятна, петушившие орлы глаз обмякли, точно пробежавшие под дождем чыплатя. Что-то проворачивало его сухой рот, и в тот же миг над наслезною гладью рельса, над засиявшей солнечной желтизной насыпью, круто приподняла тяжелую верблюжо шею, медленно вынул шлагбаум.

Стоявшим неподалеку видно стало, как за с'ежившейся колеей трассы, за столбом, за аркой, горяча просторы разливным ржаньем, мчались на рысках поездов. В распахнутые паровозы окна поминутно вскидывалось до половин туловище машиниста. Заграничные крестьяне изумленно всматривались в кричащую машинистову грудь. Ребятишки стаями порхали вслед, стегая прутьями мялкоящие свои цыклокоти. Вдоль насыпи, в раздолье рельса, охрипши кланялись телеграфные столбы и над столбами, над валами дров, качаясь на дрожачем тендере, рос Ян, пляня взгляд триумфальным своим шествием.

В 8-ю годовщину Октября мы подходим к доведенному уровню нашего хозяйства.

Рабочая молодежь! Помни: каждое новое веретено на фабрике, каждый новый станок на заводе и трактор в деревне — удешевляют товары, крепят смычку, приближают социализм!

ЛЕНИНГРАД В ОКТЯБРЕ: СЛЕВА: Броневой автоотряд Смольного. В СЕРЕДИНЕ: Морская скорострелка в подвезе Смольного. СПРАВА: «Лейтенант Шмидт» — один из красноармейских броников.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ ОКТЯБРЯ?

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, снимки Ф. ЗУБКОВА по материалам МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ.

ДЛЯ ЭТОГО нужно, по-первых, чтобы другого выхода для рабочих не было. Никогда рабочая масса без крайней необходимости на баррикады не выходит. Значит, нужен кризис старой системы, состояние тупика, общее сознание, что дальше так жить нельзя. Все это у нас было налицо к Октябрю, но отнюдь не все это имеется во всех странах капитализма сейчас. Достаточно указать на Америку, где буржуазный строй еще не износился, на некоторое время развивая производительные силы и делая уступки рабочим.

Но для Октября нужно еще и другое. Нужна готовность не партии только (партия всегда должна быть готова и наготове), не авангарда только, а каждого среднего рабочего отчалить от старого мира. Нужна готовность порвать с привычной жизнью и ринуться вперед к тому, что называется социализмом в начале и коммунизмом в конце.

Хозяин, обучая работа, получая, привычный урочья жизни и многое другое — от всего этого надо отчалить с твердой надеждой, что при новом строе не будет хуже.

Было ли это при нашем Октябре?
Было.

Есть ли в Европе?

По большей части нет. Европейский рабочий слишком долго в сравнении с нашим жил внутри капитализма, слишком привык к этой системе и слишком ценит даже то немногое, что она ему дает, или, вернее, что она ему оставляет из созданных им цен-

ностей. Бывает, что плод не только созрел, но и перезрел. А когда перезрел, может начать гнить. Рабочая аристократия, профсоюзная бюрократия, социал-демократия — это гниющая часть рабочего класса Европы, уже переродившаяся в буржуазном направлении. Европейский пролетариат слишком засиделся в капиталистическом доме.

Мировой войной 1914—18 гг. капитализм известил человечеству о том, что он уже созрел для социализма. Социализм постучался в дверь не только 12-ю дюймовыми снарядами войны и 20-ю миллионам раненых и убитых, но и проломил эти двери кое-где рядом пролетарских восстаний, из которых первое, Октябрьское, оставило неизгладимый след в виде СССР.

А Европейский рабочий еще чего-то ждет. Все условия не только созрели, но и перезрели для социализма. Все готово, кроме решимости рабочего отправиться в далекий и неизвестный путь. Да и путь-то оказывается еще не такой далекий, а главное, не столь неизвестный, как показывает восьмилетний опыт СССР.

А итти надо. Иначе капитализм снова будет требовать отставки второй мировой войной. Итти надо и итти так, как шел наш рабочий средняк в Октябре 1917 года. Этот средняк оказался в конце концов самым мудрым человеком нашего столетия, самым дальновидным, самым смелым по автором, самым терпеливым и настойчивым в ужасные годы гражданской войны,

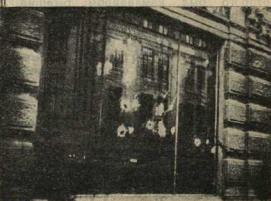
а значит — самым подходящим, чтобы быть восприимчивым новорожденного социализма.

А самой отчаянно-смелой, наименее привязанной к старому, была наша октябрьская молодежь. Все качества русского рабочего, необходимые для выхода с боем из капитализма, она еще помножила на коэффициент своей молодости.

Но Октябрьская победа только открыла дорогу социализму и притом — только в одной стране. Длиннейший путь еще впереди. Если капитализм есть быстрое движение вперед в сравнении с черепашьим ходом предшествовавшего ему общественного развития при феодализме, то социализм есть более быстрое движение в сравнении с капитализмом. Не будем же долго задерживаться на станциях в нашем внутреннем строительстве. Сегодняшний день, который лучше вчерашнего, но хуже завтрашнего, надо уметь не только любить, но и ненавидеть.

Не задержимся по нашей вине и на той станции, где остановился теперь на известный, надеемся, не долгий срок, паровоз мировой революции. Будем готовы оторваться от нашей милой советской земли и нашей незаконченной стройки, чтобы принять участие в боях, где полем сражения будет весь мир.

Рабочий класс, который оказался более других голен для первого прорыва капиталистической стены, окажется далеко не последним в мирном строительстве социализма и в дальнейшем продвижении к полному коммунизму.

МОСКВА В ОКТЯБРЕ: СЛЕВА: Баррикада у телефонной станции. В СЕРЕДИНЕ: Артиллерийская позиция Красной гвардии у Гостеприимного моста. СПРАВА: Одна из пострадавших витрин на Мясницкой.

БОМБИСТ

МАТЭ ЗАЛКА, иллюстрации З. ТОЛКАЧЕВА

ТЯЖЕЛОЕ дело отступать в дождливый осенний день, когда войско одето в летние тряпки и изношенная обувь чавкает в холодной грязи, а сады, в английских резиновых плащах, хорошо вооруженный противник кусает икры бегущих. И еще обидней отступать по родным краям. Бежать, не останавливаясь на широкой улице родного села, где каждый дом знаком, где каждое дерево навевает воспоминания.

Правда, что Иван Панасюк добрые 10 лет тому назад ушел из села. Он уехал в город учиться ремеслу. Работал на заводах и, как говорили, последнее время он был слесарем-механиком.

С того времени он два раза навещал село, и с каждым разом все меньше и меньше в живых оставалось его родни. Теперь остался один дядя, деревенский сапожник, много семейных, которого он последний раз видел, когда, бросив царские окопы, наконец заглянул в село.

Полк втягивался разрозненными клочками на шоссе. Не было никакого "военного" порядка: тут нагруженные дрожжицами солдатами обозные повозки, там гуськом, обходя дядю, молчаливые солдаты. Если бы над их плечами не торчали штыки и винтовки, то можно было бы подумать, что это бегущие от бедствия, а не войско. На 4 версты растянулся полк на холодном шоссе. Все напрягали силы. Никто не хотел оставаться, знал хорошо, что попадавшим в руки наступающих пощады не будет.

Яко сжал в конце с арьергардом. Вправо, сады, ехали пушки, немного поближе редкая перестрелка булила и делала страшными дождливые сумерки.

— Давайте, товарищи, давайте, если перейдем реку, — мы спасены, там новые позиции, если мост удержим 2—3 дня, подоспеет подкрепление.

ЯН ПОДБОДРЯЛ своих товарищей, а сам не знал, как на самом деле обстоят дела. Знал только, что вправо что-то неладно, говорили о каком-то предательстве, не то переходе, не то насильной сдаче в плен целого полка, во главе которого был командиром бывший офицер.

— Бычар, — пожал плечами Иван, — научимся когда-нибудь.

На место ушедшего полка, в прорыв, неудержимо льются силы Деникина. Ян мысленно прикинул расстояние до реки — верст двенадцать будет, сначала Беюсенька, Кайдаово, потом Хуторки — его село, лес, а потом уже река.

— Доберемся ли? — подумал и про себя добавлял: «если доберемся», и эти измученные люди смогут отдохнуть, mostre Деникину не отдадим, потом наверное придет помощь. Не может быть, чтобы не пришла Главная — выдержка».

— Тов Панасюк, вам записка, — в темноте ему протянули бумажку.

В темноте ему протянули бумажку.

Иван наклонился в седле и взял ее. Письмо короткое, два-три слова. Ян остановил коня и подождал отставшего сады и ка арьергарда.

— Меня вызывают в штаб.
— А где штаб? — спросил начальник с затаянным волнением.

— Вероятно, в Белоснежке.
Ну, валийте, товарищ, и скажите там о нас.

— До свидания!
Намокший, серый пустился неуверенной рысью и, осторожно минуя поблескивавшие лужи, продвигался мимо молчаливых повозок, бессловно шлепающих лужей. Догадал обоз, и там сказали:

— Штаб впереди, минут в двадцать догоните.

ВЫ ЗДЕШНИЙ, т. Панасюк, — сказал комиссар фронтового участка. — Вы здесь прекрасно ориентируетесь, и задание должно быть точно выполнено.

— Понимаю.
— Принаместе на себя?
— Вопрос излишен.
— Вы поняли задачу?
— Полностью.

— Одним словом, еще раз: наша задача: удержать мост, мы должны обеспечить денной отдых. Передовые части противника идут под командованием полковника Олтаржевского, он знает наши силы, ведь он еще вчера у нас служил, он и взял на себя операцию погони, нам надо не пренебрегать никакими средствами.

— Понимаю.
— Берите все, что вам нужно, и поезжайте вперед.

КОГДА Иван появился на пороге хаты дяди, тот вытаращил глаза.

— А ты откуда взялся? Разве ты не солдат? Намедни приехал из Москвы Федор Луковенко, он сказал, что видел тебя и говорил, что будто бы ты чужь ли не помощник Троцкого.

— Не расприраивай, дядя, а если можешь, то лучше прими, устал я здорово; я — бросил армию.

— Ты дезертир?
— Видишь, как я выгляжу, а дело идет к зиме. Уже вторая зима будет.

— Только, чтоб ничего не случилось, — мой дом — твой дом.

— Не надо говорить, что я приехал. Красные теперь отступают, могут еще с собой забрать, а когда белые придут лучше не показываться.

— Неужели они придут?
— Да так, разве что...

ВЕСЬ день спал. Иногда просыпался, настораживался. Визгу, на гермов этаже* равномерно отругивала жвачку корова. Редкие глубокие вздохи ее дохалили до него. Усталость клонит к сну. А сено теплое, мягкое; когда широко посыпаться, сено делается горячим, чуть не воспламеняется, потом опять все тихо. Складывается голова, и сон закрывает веки.

Два раза ему приносили пищу: молоко и хлеб. Пил пересохшими губами, заедая черным, кислым хлебом, и засыпал опять.

КОГДА смеркалось, он пошел в дом, основательно потянул воды из ведра и сел на край кровати.

— Солдат у тебя не поставили?
— Нет.
— А никто у тебя не был?

Крутом густро сидели офицеры.

— Нет, были двое офицеров, и оба приказали шить сапоги и чтоб к утру были готовы. Вот дела-то!

— А штаб их где?
— У Миши Иванчука стоял.

— А, гм...
Казенкой заведывал старый Иванчук. Полным кулаком стал его сын Михаил. Даже на войне не по-бывал; рядом с церковью дом у него. Усадьба его тянется вниз до ручейка.

Иван вспоминает детские времена, когда с Мишей играл у них во дворе.

КОГДА сгемнело, Иван вышел на улицу. Скрапы вал дождь. Туманная осенняя сырость тяжело легла по проулкам. Свет из окна только мешал глазам видеть в этой серой мгlistой дымке. Направился к переклюку у калитки Иванчука—солдати.

К забору привязаны лошади. Окна на улицу были темными, но на двор сквозь стекла на мокрую землю свет бросал яркие квадраты.

Иван быстро решил. Не прерывая свой путь, сворачивая за церковь на ту сторону, где ограда упала, он перебрался в церковный сад. Осторожными шагами пошел вдоль забора до дома, где началась низкий старый плетень. Оглянулся. Освещенные окна сделали темноту еще более резкой. Мягким прыжком перепрыгнул он через плетень—пола полужубка зацепилась, не торопясь, он дернул полу и, оставив клочок на изгороди, продвинулся еще вперед.

ОТЮДА была видна вся комната. На столе лежала большая карта; оживленно разговаривали офицеры; солдат у двери, приложив руку к козырьку, что-то рапортовал.

В середине комнаты стоял толстый офицер.

Олтаржевский!
Иван инстинктивно сунул руку за пазуху. Он до сего времени был покоен, и только сейчас почувствовал, что все его нервы напряжены до крайности.

„Действовать... молнией метнулось в мозгу.“

Насторожился. Два человека прошли по двору, скользя по земле и ругаясь. Ян успел подумать:

„Надо посмотреть вокруг.“

Он осторожно полез обратно и направился вдоль стены церковного сада, спускаясь к ручейку. Здесь берег был крутой, и внизу журчал ручей. За ручейком поле, а потом лес. На мгновение

Окна своими яркими квадратами заполняли все его внимание.

вспомнил... Солнечные летние времена... купанье в ручейке... лес...

„Да... надо пробраться в лес... и потом...“ врезалось деловито.

В КОМНАТЕ уже не спорили.

Под ярким светом лампы, офицеры сидели кругом; полковник диктовал—адъютанты писали. Густо сидели офицеры—начальники частей. Погоня, ремни, оружие, 12 человек...

Он вынул обе гранаты. Сперва зарядил французскую, тяжелую, круглую. Этой, наверно, прошибет стекла, а потом пусть летит „бутылка“.

Волнение ушло.

Пальцы привычно ловко делали свое дело. Капсюлы на месте. Предохранитель снят. Окна своими яркими квадратами заполняли все его внимание.

Маленький удар... шипенье. Дымок. Взмах руки...

С глухим треском лопнули стекла окон. Еще миг и следом полетела бутылка.

Из-за стола метнулась спина. Меньше мига. Погасла лампа. Хрустнула стекла. На секунду осветилась и выключилась люстра. Грохот.

Р-р-раз... р-р-раз.

... Иван катился по склону к ручью, поскользнулся, завертелся, только грязная, липкая земля и мокрый от тумана куст ивняка задержали его над самым ручьем. Судорожно хватил вербу. Встал.

КОГДА перешел ручей, на том берегу в прибрежных кустах остановился на рвущую нервы—одну минуту... Даже меньше. Прислушался. В селе лошадиный топот, крики, беспорядочные выстрелы, грохот колес...

Паника.

Разогнувшись во весь рост, он только теперь заметил, что левая рука судорожно сжимала ручку нагана. Усмехнулся холодно, отрывистым, ненужным смешком. Двинулся дальше вперед.

Шел быстро, бесшумно шагая, направляясь туда, где тьма еще гуще сливалась, где лес протянул свои тени, как руки, принимая в свой невидимый мрак борца за лес, поле и свободу.

Песня о топоре

Голубые метели,

Левко мне

Перед воющей печкой,

Вплотьмах,

Вспомнить лес

Заунывный и темный

И пилы беспощадный размах.

Сквозь заломленных сосен покломы

Слов слышится мне

Та пора—

Громкой песни моей

Перевозы,

Переклюк моево

Топора.

Накалилось в морозе железо,

Чаще взмах

И удар тяжелей;

Бей по свежей березине надраза—

Юной силы своей

Не жалей!

Вот последний чурбак переклоит...

Мой топор!

Через тысячу дней

Эти пальцы

Почули везд

По крутой риколати твоей.

Помню я тебя,

Вернее,

Злово,

Закладничего друа

В борьбе,

Мне сказать о тебе—

Хоть бы слово,

Мне бы песню пропеть о тебе—

Ведь никто, вероятно, не вспомнит

Перед воющей печкой,

Вплотьмах,

Лес раскисистый,

Тропы темные

Дровоколово веселый размах.

Ф Р О Н Т О В И К

Э. БАГРИЦКИЙ, композиция Г. МЕРКУЛОВА

Из Петербурга в Хамадан
Над реками пара,
До пограничников дошла
Раскаты Октября.

Граница и Персидский фронт
Остались позади.
Ни барабан и ни труба
Играют впереди.

На барабан и ни труба,
А приглушенный вой
Удар шагов, стогн штыков
Уводит за собой.

Стояли горы в башмаках
Из голаубого льда,
В долинах леги журбан,
И ледяная вода.

И мы, ушедшие с фронтов,
Охотились в горах.
Мы убивали кабанов,
Чтоб жарить на кострах.

Нас курды стерегли в камнях,
Нас малярия жгла,
Офицеры по деревьям
На нас в сражении шла.

Но за горами, за рекой,
На рисовых полях,
Встал большевистский Энзели
В обозах и кострах.

Четыреста пугать перст
Мы по горам прошли,
Прошла Кавани, открыла Решт
И видим—Энзели!

Шумят под ветром камыши,
Волна о камень бьет.
Солдат увозит в Ленкоран
Колесный парозод.

В ночевках продрана шинель,
Распродано белье,
Родным подарков нет, но мы
Везем с собой ружье...

Рассыпались в России мы:
Кто шел на Колячка,
Кто врангелевцы поивал
Огнем с броневика.

А кто пошла гулять с Махмо,
А кто под стену встал,
А кто в полях сажень земли
И пулю отсыкал.

Но порожденный Октябрем
Не поверят назад. Паш!
И вот—
К плечу летит приказ.

В ночевках продрана шинель,
Распродано белье,
Но вот подарки Октября—
Упорство и ружье.

Дымчались станции кругом,
Храпели поезда,
Ячменный суп, зеленый хлеб,
Болотная вода.

И на вокзалах, где сыпьяк
По шезам стережет,
С палата Троиной голосая:
„Вперед, вперед, вперед!“

Вперед в туманущий угар,
Вперед в мороз и лед,
Кушая хлеб и вишей давая
Вперед, вперед, вперед!

В солончаках, в сухой траве,
Где корунт и каляны,
С винтовкою наперевес
Проходит фронтовик.

Нет башмаков и шапок нет,
И пуст желузок наш,
Но пред суконною толпой
Расступится Шиах.

Но если ты пришел домой
Не разгадальстуй зря,
Коль фронтовик ты, выполняя
Законы Октября!

Маховики кричат назврыд,
По шахтам гул идет,
Напильники скреещут в лад,
Расколот в реках лед.

Ломается шпала на путях,
И сыпьяк струсной
Опьяки сыплет и скрипит
Под звонкою шпал.

За кирочком встает кирпич,
Брелью идет к брелью—
Так подымает фронтовик
Рабочую страну!

Недаром в горный Хамадан,
Над реками паря,
До пограничников дошла
Раскаты Октября.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1905 ГОД В ДЕРЕВНЕ.

Ю. БОЧАРОВ, снимки по материалам Музея Революция Ф. ЗУБКОВА

ПЕРВЫЙ шаг революции за-вучал — двадцать лет назад — на городских мостовых. В Петербурге в январские дни, под пулями царской гвардии строила она первые баррикады, аскидала над ними красный флаг, заставляла прозревать тех, кто до того был слеп. Рига и Варшава, Москва и Харьков, Тифлис и Вильно автавали на зов проливой рабочей крови. И, оставшая за собой города, kloкочущие невои пролетарских масс, революция проходит дальше — в бескрайние просторы еще покрытых снегом полей, на Волгу, на Вислу, в украинские степи, к кавказским хребтам...

Долгими годами коилилось здесь крестьянское горе, долгими годами длеялась здесь мечта о сытой привольной жизни.

В многомиллионной стране, в мужицкой "Рассее", крестьянство составляло почти 2/3 всего населения. И в то же время из 395 миллионов десятин, насчитывающихся в 1905 году по 50 губерниям Европейской России, земли надельной крестьянской и казачьей — всего 138 миллионов десятин. Три четверти населения владеют лишь немногим больше, чем третью всей земли. Остальные земельные богатства давно прибрали к своим рукам помещики, казна, монастыри.

С тех пор, как крестьяне выходят из крепостной зависимости, с каждым годом малоземелье дает себя чувствовать все сильнее. Чересполосица вбивает помещичий клин в крестьянскую землю. Прикупить бы земли, да это под силу одним кулакам: цены упорно ползут все выше. Некуда деваться крестьянину, он вынужден арендовать землю у помещика. А тот из года в год взвнчивает цены за аренду. Случается, порой они превшают доходность арендуемого участка. Земля крестьянская — скудная, истощенная трехпольем. Неурожаи разоряют хозяйство. Чтобы извернуться, надо или ийти в кабалу к кулаку, или уходить по помещичьи экономиям. Двух к тому же налоги. Правительство ввязывается в войну с Японией. Бродячая — запасные уходят из деревень на Дальний Восток, не зная, зачем их понят туда, кому нужна эта война. А оставшихся без работников хозяйства не знают, что думать о завтрашнем дне.

Подходит пятый год. И крестьянская стихия не выдерживает. Не раз выдмалась она и раньше, потрясая то юг, то запад, то центр России. Незадолго до того, в 1902 году, уже массовым было движение, перекатывавшееся по ряду украинских и великорусских губерний.

Теперь она снова авзлюдовалась. На этот раз грозит выйти из берегов. "Заворотились" великороссы, хлеборобы-украинцы, на окраинах поднимаются польские, латышские, эстонские крестьяне, волнуются на Кавказе гурийцы...

ЧЕГО хочет крестьянство, не раз уже в своей многовековой истории выступающее, как бунтарь? — Мы хотели и хотим есть, — отвечают нижегородские крестьяне, привнзанные к ответу царскими властями.

— Дайте нам хлеба, — заявляют орловцы, подходя к Долбенкинской экономии царского родича, князя Сергея Романова, незадолго до того на куки разорванного в Москве бомбой террориста.

1904 года, осенью — недорода текущего пятого года, особенно тяжкого в земледельческих губерниях. Добыть хлеба, добыть припасов, спасти себя от ужасов голода — одна из целей крестьянского движения 1905 года. С этой стороны оно просто — движение голодных масс.

Есть и другая цель, подсказана она давними несбыточными крестьянскими ожиданиями, вечной крестьянской мечтой.

Эта цель — земля. Чтобы прирезать себе земли, выступают целые деревни. В цвет мечтаний о земле окрашено движение крестьян-хозев.

А рядом растет, ширится движение батраков — борьба сельско-хозяйственного пролетариата и полупролетарских элементов деревни за улучшение условий труда на помещичьем поле.

Соответственно с целям, разнообразятся и формы движения.

Чтобы накормить семью, достать топливо, добыть корм скоту, — крестьяне взаимывают помещичьи амбары и сараи, увозят хлеб, овес, сено. Огромных размеров достигают массовые порубки в помещичьих лесах, потравы, покосы.

Земельный вопрос разрешается радикальнее всего в форме захвата земли.

— Земля и хлеб наши, движимость ваша, — говорят помещикам саратовские крестьяне.

Целыми деревнями выезжают по весне запалявать барскую землю. Или предлагают помещикам в 3 дня "увольиться из усадеб", обявляют именяя, оставленные перепуганными владельцами, общее ственной собственностью, проводят уравнительное землепользование. Не всюду, правда, крестьяне настолько решительны, чтобы вытолкать помещиков из именя, забрав у него землю. В ряде губерний они ограничиваются тем, что предъявляют помещикам требования о сдаче земли им в аренду не выше, чем по известной цене, а иногда выносят постановление о том, что никто из крестьян не может арендовать землю выше такой же определенной цены.

Порой земля соединяется с актами мести помещику. Крестьяне громят экономии: портят орудия, поджигают хозяйственные постройки, расхищают движимость, скигают помещичьи дома, избивают ненавистных служащих именя. Чаще это имеет место там, где движение, направленное к захвату земли, перелетается с движением, вызванным голодом. Тогда по ночам степные горизонты озаряются заревом пожаров, далеко по округе разносится весть: — "Мисоедиху жгут!" — и новыми огненными отблесками откликается даль. "Иллюминация

ДЕМОНСТРАЦИЯ В МЕСТЕЧЕ (Земельный край).

В с. Ключах, Саратовской губ., слод выносит приговор соседнему помещику: — Весь хлеб в его амбарах мы, ввиду отсутствия у нас всяких продовольственных средств и не надеясь на помощь правительства, постановили разделить поровну между нуждающимися однообщественниками.

В той же Саратовской, Тамбовской, Екатеринбургской губерниях крестьяне разбирают весь хлеб, лежачий на нескольких железнодорожных станциях.

Все это отзвуки двух очередных недородов. Весной — недорода прошлого

помещичьих усадеб* на время открывает глазам господствующего класса бедную, на краю которой он стоит...

Полуно крестьянские толпы разбивают винные лавки, в Курской, Черниговской губерниях сжигают сахарные заводы известного всему югу богача Терещенко.

Стихия бушует...

В то же время на Волге, на Юге, в польских губерниях, в Прибалтийском крае идут стачки батраков. Помещикам они предъявляют требования об увеличении заработной платы, о сокращении рабочего дня, об улучшении жилищных условий, пищи, о выдаче провозки по весу, об отмене штрафов, о вселивом обращении со стороны управителей, приказчиков. Толпы переходят стачечники из имения в имение, приглашая присоединиться к ним, у помещиков добиваясь предоставления ночлега и пищи, штрейбрыхеров из несознательной крестьянской массы снимают с работ. Кое-где прибегают к бойкоту отдельных экономий. Батрачское движение развивается в формах массовой пролетарской борьбы.

Осенью крестьянское движение приобретает новую форму политической борьбы с государственной властью и ее агентами. Она находит себе место, главным образом, в промышленных губерниях, выражаясь в отказе от уплаты налогов, поставки рскрутов, в разгромах винных лавок, на окраинах — в разгромах помещичьих сельских органов власти, даже в вооруженном сопротивлении полиции и войскам.

ДВИЖЕНИЕ вспыхивает в деревне еще среди зимы 1904/05 г.

В его развитии есть своя последовательность. Оно распространяется по стране кругами, ширяющимися, как круги по воде от брошенного камня. Оно имеет свой календарь и свою географию.

К концу зимы 1904/05 г. деревня тяжело переживает следствия прошлогоднего неурожая. В предвесенние февральские дни и начинаются разгромы помещичьих экономий. Тревожный сигнал помещикам дает Курская губерния. Отсюда крестьянские волнения перекидываются в соседнюю Орловскую, отсюда в Черниговскую. Как эхо, откликается Воронежская. Одна за другой начинают примыкать к движению остальные.

Движение ширится стихийно. Причины для выступлений везде достаточно. Примеры, слухи дают внешние толчки. Очагами движения становятся черноморские губернии центрального района, Поволжье, правобережная Украина и Крым,

привислинские губернии, Западный край, Прибалтика. В западной половине России преобладают порубки, разбивается батрачское движение, в восточной половине, в центральной части — попытки урегулировать арендные отношения,

более активно выступают черноземная Россия. Разгромы эконолий происходят почти по всему земледельческому центру, Югу, Поволжью в то время, как на Севере ограничиваются массовыми порубками.

Из 47 губерний (что составляют 94% всех губерний Европейской России) в 1905 г. не остается ни одной губернии, в какой бы то ни было степени не захваченной движением. Особенно велики его осенний размах, когда из 478 уездов волнения в сентябре-декабре охватывают больше половины (240).

Конец года застаёт помещиков за подсчетом печальных для них цифр разгромленных усадеб и пенсенных убытков. В одной Саратовской губернии насчитывают 272 разгромленные усадьбы. По 11 уездам Тамбовской губернии заявляют об убытках 158 владельцев, пострадавших на 2.475.608 руб. В Петербурге подсчитывают, что по всей стране без Прибалтийского края, пострадало в результате крестьянских волнений до 2000 помещичьих экономий, причём убытков, по заявлениям владельцев, понесено на 29 миллионов рублей.

ВВЕРХУ: ХУТОР МИХАЙЛОВСКИЙ — ДО РАЗГРОМА (он принадлежал известному богачу — сахаропромышленнику Терещенко). ВНИЗУ: Внутренний вид разбитого сахарного завода на хуторе Михайловском.

запаски, разгром экономий.

Летом 1905 г. движение идет на убыль, чтобы с новой силой в еще больших размерах вспыхнуть осенью.

Страна постигнута новым неурожаем. В 50 губерниях Европейской России собрано (без ося) на 216 милл. пудов меньше среднего урожая за 1900—01 г. В особенно тяжелом положении оказываются губернии Тульская, Язвнская, Пензенская, Воронежская, Саратовская, где урожай меньше половины среднего.

Пострадавшие поволжские губернии и становятся одним из очагов осеннего движения. Остальные очаги в центральном земледельческом районе, на Украине, в Бессарабии и Подолии. Теперь на-

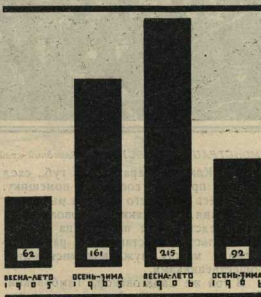
БЫЛО ЛИ движение организованным? Имело ли своих руководителей, по крайней мере, выделило ли их?

Движение начинается стихийно. Но выступления толпы, знающей, для чего она выступает, требуют хотя бы элементарной организации.

Эту организацию можно наблюдать в первых же стадиях движения. Крестьянские толпы собираются по определенному сигналу, после того как вспыхивает омет соломой или раздаётся набатный звон. Цели выступления иногда заранее определяются притвором крестьянского схода. Даже троят усадьбы иногда «по плану».

Организаторы в этих случаях выделяются из числа участников. Эти организаторы — кулакиские зажиточные элементы деревни. Беднота — масса, участвующая в выступлениях.

Однако, уже весной складывается своеобразная организация крестьянства — Крестьянский Союз. Возникает он под влиянием толчка извне. Московский губернатор пытается склонить крестьян губернии на составление патриотических адресов царю. Попытка объединения крестьян сверху для демонстрации народной преданности «престолу и отечеству» неожиданно для ее инициаторов превращается в объединение крестьян для борьбы со своими непрошенными опекунами. У московских крестьян зарождается идея образования Крестьянского Союза. Печатное воззвание широко разносит ее по стране. Повсюду начинают создаваться крестьянские объединения. Нередко они приглашают к уча-

РОСТ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ: В первую половину 1906 г. из 437 уездов Европейской России (без Польши, Прибалтики и Кавказа) — в 215-ти были крестьянские беспорядки.

стию в них „братев-интеллигентов“. При участии последних проходит по деревням приговорная кампания. Крестьяне на сходах и собраниях принимают более 60.000 приговоров, излагающих крестьянские нужды. Организация идет: выбираются крестьянские комитеты, собираются губернские съезды союзов. И все больше захватывают влияние в нем „братев-интеллигенты“ в лице эсеров.

В августе под Москвой собирается учредительный съезд крестьянского союза, претендующий на руководство массами. Но к этому времени, оказывается, массы ушли значительно дальше своих вожаков на съезде, среди которых до 20 % интеллигентов. Крестьяне уже захватывают земли, а съезд признает необходимость ее выкупа у частных владельцев. Представитель партии эсеров предлагает даже обеспечить помещиков пенсией. Некоторые ораторы просят не отнимать земли у монастырей: они-де „молитя за народ“.

Союз в лице своей верхушки определенно не поспевает за движением.

ХАРАКТЕР движения становится ясным, если присмотреться к действиям крестьянских толп, прислушаться к тому, что говорили его участники, когда их допрашивали следователи и поролы розгами ретивые царские чиновники.

Движение направляется против помещиков, как собственников, как эксплуататоров.

„Долой помещиков“ — флаги с такой надписью развеваются над толпой витебских крестьян.

Кулаков не трогают или трогают в виде редкого исключения. В Павлоградском уезде крестьяне оставляют в покое богатеев и зажиточных колонистов-немцев, рассуждая так:

— Вони сами роблять, а ті (т. е. помещики) из нас дві шкури деруть.

Экономическая подоплека, экономический характер движения очевидны.

Связывается ли это массовое движение с какими-нибудь политическими требованиями.

В большинстве случаев эти требования у деревень, поднявшихся против помещиков, отсутствуют. Редко-редко они мелькают. Многотысячный митинг в Сумском уезде Харьковской губ. в мае месяце требует созыва учредительного собрания, отказа от платежа налогов. Приговоры схода требуют иногда созыва народного представительства. Все это — исключения. Идея борьбы с самодержавием еще чужда крестьянской массе в целом.

Наоборот, масса еше верит в царя. Весной в Воронежской губернии

идет слух, что царь просит притти ему на помощь и отобрать землю у помещиков. На губернском съезде крестьянского союза в Смоленской губернии в разговорах о прокламациях, направленных против самодержавия, крестьяне говорят: „царя трогать нельзя“. Даже репрессии плохо убеждают крестьян: они уверены, что

Крестьяне-аграрники в Харьковской тюрьме.

царь накажет офицеров, руководивших расправами в деревне. Старая легенда о царе, которого отдалили от них помещики, еще жива.

Ни в Великороссии, ни на Украине крестьянское движение не становится направленным против самодержавия. Нескороко иначе на окраинах.

В Латвии крестьянское движение связанное с рабочим, направляется против баронов-помещиков, но одновременно заостряется и против самодержавия. Здесь происходят упорные столкновения с войсками. То же и в Грузии.

За исключением окраин, политического оттенка крестьянское движение почти не имеет. Это борьба, жестокая классовая борьба — за землю, которую ведет мелко-крестьянское хозяйство с крупно-помещичьим.

С ПРОЛЕТАРИАТОМ, с его политической партией крестьянская масса, участвующая в движении, не связана. Большевики, еще до революции стоявшие за поддержку крестьянства в его

выступлениях против помещиков и самодержавия, теперь говорят о необходимости революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян, органом которой должно явиться временное революционное правительство.

Они говорят о необходимости конфискации помещичьих, казенных, церковных земель. Призывают к организации революционных крестьянских комитетов.

Они говорят о необходимости для пролетариата вести за собой в революции крестьянство, руководить им.

Размах городской революции не позволяет, однако, пролетарской партии бросить в деревню свои силы. Социал-демократическая пропаганда здесь слаба, затрагивает только отдельные районы.

Крестьянское движение, оторванное от городской революции, стихийное, неорганизованное, не может привести к победе. Правительство, собрав силы, бьет его по частям.

ЖЕСТОКИМИ репрессиями обрушивается правительство на „бунтующего мужика“.

Всаям широкого размера идет порка. Порят участвовавших и неучастовавших в движении. Порят за то, что крестьянин сказал: „нет закона пороть народ“. Порят волостных старших и писарей. Порят исправники, офицеры, следователи, губернаторы. Свисят розги и до смерти иногда засекаются несчастные жертвы...

Переполнены тюрьмы. Появляется новая категория заключенных — „аграрники“.

Драгуны, казаки, пехота, даже артиллерия переходят от деревни к деревне. Солдаты стреляют и убивают, жгут деревни, насилуют женщин.

Карательные экспедиции, уничтожая крестьянскую „красову“, наводят ужас на страну, разстреливая, вешая, превращая в пепел крестьянские дворы. Одна

Прибалтика за 10 месяцев хозяйничавшей карательных отрядов заносит в скорбный список жертв революции не менее 3 000 имен казенных (по другим данным, это число доходило до 10 000) и насчитывает до 2 000 сожженных крестьянских усадеб.

Тем не менее крестьянское движение в 1906 г. еще не улегается. Новый неурожай обостряет его. И только в 1907 г. царское правительство может сказать, что оно „усмирило“ крестьян.

Тихина наступает в полях, где орошенная крестьянской кровью земля готовится дать через десяток лет новые революционные всходы.

Съезд Крестьянского Союза 6-го ноября 1905 г.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ

(БОЕВАЯ ДРУЖИНА МОЛОДЕЖИ В ОДЕССЕ)

И. АДОВ, иллюстрации Г. БЕРШАДСКОГО

СЕРЫЙ туманный октябрьский день. Сумерки. Группами и в одиночку подходит молодежь к зданию Союза Социалистической Рабочей Молодежи. Накрывает дождь. В коридорах и зале не слышно обычного шума и суеты. Напряженное состояние. Ресущее и заманчивое собрание.

Звонок рвет тишину. Собрание открывается. И в первых же словах председателя собрания, т. Урицкого, плотина сомнений, недоумок и колебаний резко прорывается. Вопрос поставлен ребром. В Союзе может остаться только тот, кто стоит на платформе: „Вся власть Советам“. Пролетарская революция должна знать, кто с ней идет.

Безошибочный момент. Но не все подготовлены к нему. Простое голосование подвигает рук. Пролетарская революция побеждает и здесь. И только небольшая группа интеллигентской молодежи молча покидает собрание.

Тов. Урицкий объявляет, что при Союзе Соц. Рабочей Молодежи организуется боевая дружина, в которую должен вступить всякий, способный носить оружие. Собрание закрывается, но еще долго не расходятся юные пролетарии, твердо убежденные в правоте своего дела и готовые грудью постоять за него

НА СЛЕДУЮЩИЙ день—собрание записавшихся в боевую дружину Союза. Кандидатура каждого вступающего в дружину обсуждается всем собранием. Круговая порука. Выбираем начальником дружины т. Урицкого, разбиваемся на десятки и выбираем десятских.

В любую минуту от нас могут потребовать выйти на улицу и с оружием в руках бороться за власть Советов.

Необходима единая воля и могучая спайка. Тут же решаем влиться в единый вооруженный орган диктатуры пролетариата г. Одессы—Красную гвардию.

Выходя из собрания, встречаемся, чтобы направиться в штаб Красной гвардии.

Туманная мгла пустынных улиц поглощает колонну молодых бойцов. Накрывает дождь. Расплывчатые пятнами глядят редко попадающиеся уличные фонари. Гулко отдаются по мостовым мерные шаги. „Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой“... и дружно гремит революционный мотив, песня молодого пролетария. Спит город, и стены домов эхом отдают легкую и уверенную струю: „Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки“.

Приходим к штабу Красной гвардии. Минуты ожидания, и широко раскрываются ворота, чтобы принять нас.

ЕЩЕ ВЧЕРА было внешне обыденно.

Еще вчера было как третьего дня, как неделю тому назад, еще вчера мы просматривали белый листок на стене штаба гвардии, какой листочек дежурить, когда черед нам—молодой полусоте, дружине рабочей молодежи, еще вчера... А сегодня... Сегодня холодное утро уходящей осени, морозное утро наступающей зимы. Мглистое, сгорбившее небо, нехота пропевающего свет, полупустынные улицы, что-то скрывающие, предвещающие недоброе.

Город—скрытая угроза.

Позавчера мы дежурили. Наш десяток охранял подступы к штабу Красной

пропускать и при малейшем подозрении вызывать дежурного члена штаба.

Рассказывали нам:—гайдамаки сосредоточились на второй станции, требуют роспуска Красной гвардии. В курных гайдамацких башах агитаторы, узнавали настроения, передавали, что обманутые, ничего не знающие солдаты упорствуют, что верховодит сам офицер, что доктор Лупенко—глаவர் широкоукраинский—на переговоры итти не хочет, требует сдачи ему города, ссылается на „Меркурий“, выбросивший бело-блукитный флаг. Говорили, что больше так продолжаться не может, что придется выступить с оружием в руках, что город надо отбить, что сделать это должна вооруженная заштитца Одесского пролетариата—Красная гвардия.

Это было вчера.

А сегодня. Сегодня в окнах магазинных шторы полуприспущены, робкими группками жмутся обыватели около ворот и не видно ни одного вооруженного человека на улице. Шагаю по Ришельевской, не успеваю дойти до Жуковской—пальба. Жесткий, нервный бой пулемета, паника Извозчик, не успевший подхватить возжель, нелепо машет на козлах руками, лошадь несет, вздрагивая упруго всем корпусом. Хлопают двери магазинов, спасая слепых в страхе своем, убогих прожогов. Задерживаю извозчика:—Гони на Торговую!—Там стрельба!—В об'езд по Новосельской.

Едем. Стихло. Стрельба прекратилась. В чем дело?

Неужели началось?

III

У ШГАБА гвардии—оживление. Вытащили на улицу пулеметы, наугад усленные патрули. Проверяют документы.

—Пропуск!
Показываю красногвардейскую книжку—пропускают. Я у своих. Ружье дома, не ожидал, что сегодня понадобятся. Дают „берданку“, тяжелую олозарядку времен Седана и франко-прусской войны.

—Что за пальба была в городе? Меня не понимают—недоумею. Через пять минут:

—Кангун убит. Кангун... убит... Шопотом, тихо, но твердо: „Кангун убит“—без тени страха, без отчаяния, но со сталью в глазах, со жгущими кулаками, передают друг другу.

Потеряли начальника Красной гвардии. В первый же день, без предупреждения, крадущий, воровский, из-за угла, обстреливают гайдамацкие „герои“ автомобиль штаба гвардии и отнимают у нас начальника.

Безошибочная трагедия—рассказывают Лева Кангуну—младшему брату погибшего. Нервный жест.

—Я еду туда!
—Там гайдамаки расселись.

—Ничего, я еду.
В тот же день мы узнали о гибели Левы—второго Кангуна.

Собрание открывается. Звонок рвет тишину.

Задерживая извозчика:—Гони на Торговую!.. В обезд!

IV

С ПОЛУДНЯ город поле битвы, каждый выступ дома — прикрытие, каждая афишная колонна — удобная позиция для обстрела.

До штаба глухо доносится пулеметный рокот и визгливое вскликивание винтовок.

От штаба отъезжают грузовики с людьми. Наша полусотня получила задание охранять штаб и подступы к нему. Отдельные пары не выдерживают, бегут за грузовиками, вскакивают в них и мчатся в город, в разворачивающееся пекло, в костер, подпалившейся с двух сторон и получающий все больше и больше пищи.

Я — в патруле. Двигаемся по Торговой вверх. По Херсонской проезжает грузовик анархистов (анархисты с нами), на нем мой товарищ Миша Большой; он зовет меня. Я бегу к грузовику; меня втягивают наверх. Мчима бешено. Пролетают с обеих сторон дома; тяжело дышет машина; шумно заполняют уши ветер. Завернули на Преображенскую, затем на Жуковскую. Я не спрашиваю, куда мы мчимся; разве спросишь? На колеске лежа, крепко прижимаюсь к груди винтовка; взгляд ищет врага. Сверху видим, как по Пушкинской в сторону бульвара, не спеша, движется броневой автомобиль с развевающимся желто-голубым флагом.

Враг. Подъезжаем по Жуковской до Пушкинской, броневик уже не видно, ушел к бульвару; двигаемся за ним по Пушкинской. С балкона гостиницы „Бристоль“ нам машут матросы, кричат что-то непонятное, но тревожное. Сообра-

жаем. Оставаться на углу, не двигаться по Пушкинской, да это и понятно — броневик возвратится и наш грузовик будет для него великолепной мишенью, ведь, на нем пулеметы, нас обстреляют. Сворачиваем за угол, становимся по Жуковской рядом с снайговой Ждем.

Мгновение. Ровное пытанье броневика издала напугает мускулы. Броневик проезжает „Бристоль“... так-так-та-та-так так-так... Матросы с балкона „Бристоль“ обстреливают броневик из пулемета; броневик у нас на виду и мы начинаем стрелять. Ствол накалил, руке горячо и после каждого выстрела выбрасываешь гильзу и кладешь новый патрон. Стреляем беспорядочно, не чувствуя боли в руках и в голове... У многих изо рта течет кровь, „берданка“ дает при выстреле сильный отбой, приклад бьет по подбородку.

Зло гудит броневик, останавливается. Броневик отвечает по „Бристоль“, не замечая нас, а затем замолкает.

Матросы пробраются по стенам, гуськом, — броневик молчит. Шофер броневика соскакивает, бежит, пытается прыгнуть в подвальное окно, за ним матрос с наганом в поднятой руке, — короткий шумный выстрел, и матрос возвращается к броневику.

Часть наших парней прыгают с грузовика, идут к броневику, вместе с матросами подходят вплотную — бронеотверстия закрыты.

Высокий матрос с лихорадочно сверкающими глазами ожесточенно колотит рукояткой „кольта“ по броне, кричит, требует, чтобы вышли, обещает не расстреливать. — Молчание, затем с легким визгом отворяется броневая крышка.

Широкочелый, приземистый матрос с крепко зажатой в руке шашкой становится на подножку. Из отверстия высовывается голова.

— Р-р-р-аз, мать твою... гадина, — шипит матрос.

Тело мертвого гайдамака вытаскивают на мостовую.

— Дальше вылезай!
Опять показывается с невидящими глазами голова. Удар прикладом по голове, и выволакивается следующий.

Остальных шьдают, опрашивают, отнимают оружие.

Броневик наш. Матросы заканчивают дело.

Молодая полусотня, охранявшая в эти знаменательные дни штаб Красной гвардии и подступы к нему, засевшая на балконах и крышах прилегающих к штабу гвардии домов, получила свое боевое крещение и доказала, что носить звание красногвардейцев — она достойна.

— Где самый опасный пост? Я прошу меня поставить туда, — неоднократно беспокоят начальника пикие, молодые красногвардейцы.

Марк Вигман, узнавший, что отходящий от штаба грузовик направляется к телефонной станции, чтобы выбить оттуда засевших гайдамаков, догоняет его, вскакивает, и вместе с небольшой группой красногвардейцев, в которой находился и товарищ Гимельфарб, важно вступает в бой с гайдамаками, вооруженными пулеметом.

Кучка красногвардейцев с однозарядными „берданками“ — против хорошо вооруженных гайдамаков. Находящиеся Гимельфарб, отвага и беспримырная храбрость ребят — победили. Победа была скорая и важная, но Марк Вигман, пораженный в обе ноги разрывными пулями гайдамацкой винтовки, на следующий день скончался, не терпя до последней минуты сознания и глубоко веря в правоту нашего дела.

Молодой рабочий, Алеша Златопольский, самоотверженно шедший в самые опасные места, также нашел свою раннюю смерть в эти бурные дни.

Молодая полусотня Красной гвардии не закончила этим своей деятельности. Одесские улицы видели ее и во вторых боях — через месяц, с такой же отставкой отстаивавшей власть Советов. Часть ее, влившейся в отряд Полупанова, выехала на бронепоезде пребывать на север сквозь надвигающуюся стену германских оккупантов.

Распыленная после прихода на Украину немцев, полусотня все же могла гордиться отдельными своими бойцами, с достоинством продолжающими свое дело в различных местах Украины и России.

Смертью храброго погиб на колчаковском фронте отважнейший товарищ Яша Озирский; мужнической смертью унесен был в могилу Петя Полков, расстрелянный белогвардейцами за подпольную работу в Киеве в 1919 г.

Высокий матрос ожесточенно колотит рукояткой

КУХАРКИНЫ ДЕТИ СМЕЮТ УЧИТЬСЯ

Отрывок из книжки И. РУДНЕВА-РАЗИНА, «ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМЛ В ИЗОБРАЖЕНИИ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ», иллюстрации В. СУТЕГА.

НИ В ОДНОЙ стране нет столько возможностей учебы для рабоче-крестьянской молодежи, как в стране советов.

Рабфак—это неотъемлемое детище рабоче-крестьянского государства. Рабфак—это изумительная организация, рожденная Октябрем. Под знаменами коммунистической партии и ленинского комсомола строится рабфак. Рабфаковец и комсомолец—синонимы.

Вот почему самостоятельные ручейки белогвардейской злобы текут по направлению к рабфакам и рабфаковцам.

Каков быт рабфаковцев? Белое воинство готово сообщить:

Рабфаковцы-комсомольцы имеют обыкновенные убивать друг друга.

УБИЙСТВО ЖЕНЫ И КРАЖА ЧАЯ

В Москве студент рабфака—комсомолец, оставшись в одиночку у своего знакомого рабфаковца, ночью убил его и его жену, захватив у убитого 19 фунт. чая; продал этот чай на рынке, заработав 3 червонца. Таковы нравы красной молодежи. (Рувль* от 7/XII—1923 г.).

— Да,—задумчиво сказал рабфаковец,—врчи...

В виду того, что аресты охватывают всегда самую часть города, силы ГПУ оказываются недостаточными и для помощи ей мобилизуются рабфаковцы, у которых на это уходит больше времени, чем на учебу.

(„Рувль“ № 170).

Где ж тут до учебы?

Ночью—облавы, аресты. А чуть покажется бледная полоска рассвета, берись за огнестрельные расстрелы мирных жителей!

А полнодно готовится к пыткам и допросам, и вся эта канитель, в общей своей сумме, занимает почти целые сутки.

А вооруженные восстания в районе Москвы! Сколько тратятся дней в неделю на все эти кажущиеся мелочи!

РАБФАКОВЕЦ — ПУГАЛО МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

ИЗ ГРУСТНЫХ РАЗДУМИЙ ОДНОГО РАБФАКОВЦА

«А вот еще один случай: ширит всюду рабфаковцы; стоит кроватка с большой девочкой; отец просит: „Товарищи, не забудте ребсвекя. Девочка давно больна и боится врачей. Увидел вас, она подумает, что вы врачи и начнет долго кричать. А это ей вредно.“

Да,—задумчиво сказал рабфаковец-врач,—но если бы она узнала, что мы такие, пожалуй, испугалась бы еще больше... Не так ли, гражданки?»

(„Днев“ № 498).

Раньше пугали детей словом „чорт“.

— Вот не поешь кашки,—придет чорт и сломаст тебя...

Теперь столько слов гратить не приходится. Прокричи на ухо сознательному грудному младенцу:

— Р а б ф а к о в е ц !

и все будет достигнуто.

Но все же, отмечая наличие довольно солидной учебы в среде молодого коммунистического поколе-

ния, наши враги кликушатся на тему о том, что на „границе университетской науки“, оно, это поколение, сломаст себе зубы.

ЧТО ДАСТ КОМСОМОЛЬЦАМ РАБФАКОВСКАЯ И УНИВЕРСИТЕТСКАЯ УЧОБА?

НА ГРАНИЦЕ НАУКИ СЛОМАЮТ СЕБЕ ЗУБЫ

„Большинство рабочей молодежи в университете выучит жалкое существование лица, для которой выиграл зелье. Советская власть прилагает все старания, чтобы их „поднять“, для них измене характер преподавания, введено множество семинаров, особых кружков и т. д. В точнейших высших учебных заведениях это не помогает. Там требуется хорошая подготовка по высшей математике, физике, химии. В семиварных и кружках эту подготовку не получают. Они, безусловно, введены в невыгодную сделку: более половины их, если не больше, не добьются ничего. Это будут вырванные из рабочего класса, дезорганизованные недоучки, ослабленные на более счастливых „буржуев“ и больше ничего. Эти на „границе университетской науки“ сломают себе зубы, будут людьми глубоко несчастными и вредными в общественном смысле.“

(„За свободу“ № 317).

Будьте уверены, господа ученые!

Уже имеются кадры красных спецов, прошедшие рабфак и технические ВУЗ'ы. Эти кадры, действительно, „глубоко, вредны“ для ваших идей, для ваших социобродных помыслов.

Комсомолец на учебе не ломал и не обламает себе зубы. Он их отточит и отшлифует для теоретических боев, для практического строительства, для многих славных дел...

Таковы нравы красной молодежи.

Таковы нравы красной молодежи! Совсем как в оперетке: темпераментный рабфаковец из первого МГУ крадет чай фирмы Высоцкий и Ко—и при этом, очевидно, скрывается загранично.

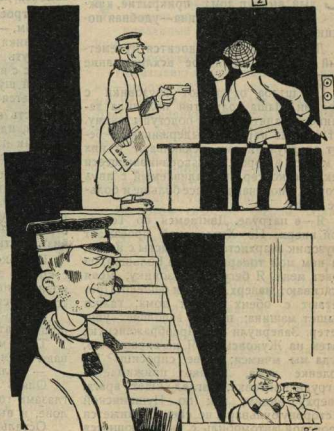
Таков быт студентов от станка и сохи.

Ну, а какая учеба? Как она протекает? Оказывается на самую-то учебу уходит очень мало времени,—и вот почему.

МАССОВЫЕ ОБЛАВЫ ГПУ

АКТИВНЕЙШЕЕ УЧАСТИЕ РАБФАКОВЦЕВ

Характерны для методов, применяемых большевиками в политической борьбе, являются участие т. я. рабфаковцев, то-есть слушателей рабочих факультетов, членов коммунистической молодежи, в массовых арестах и облавах, производимых большевиками.

Где ж тут до учебы!

КРИВОЙ РОГ

И. БАС, снимки автора.

КОЛЕСЯ по широкому екатеринославским степям, я вдруг попал в царство индустрии.

Я никогда не был на Кавказе, но вот сейчас я иду, и мне кажется, что это — знаменитая Военно-грузинская дорога. Направо — высокая гора, к подножью которой лепится мой путь, налево — ущелье и река, а дальше снова горы. Они отливают красным цветом. Ветер поднимает на дороге облака красной пыли, и красным покрыты идущие мне навстречу люди. Это шахтеры. Я — в железорудном районе.

Новый колорит, совершенно иная природа, в которую я попал, создана руками человека.

Высокие и строго очерченные, как геометрические фигуры, горы — рудники, краснобурый камень, который вывозится из шахт, и прохожу мимо ошеломляющих пропастей — это карьеры, в которых добывается железная руда. А вот естественная гора и пещера у ее подножья — ход в рудник. На горизонте маячат кружевные капры — подземники, с горы на гору переброшены легкие мостки, и все живет, дышит и движется.

Мне становится смешным противопоставление индустрии природе, которое делают где-то поэты.

Здесь я вижу, как много выграла земля от своего союза с трудом.

Когда спустилась ночь и засияли тысячи электрических фонарей на этом, и соседнем, и совсем дальних рудниках, когда немного затихло суeltивое дыхание труда и стала разливать ароматная тишина южной ночи, — тихо выплыла в небо большая желтая луна, так мудро разделившая свое дело с электрическими фонарями, и я очутился в сказочной стране. Четкие силуэты переброшенных в воздухе мостков чернели, как китайские картины на позолоченном лунном ночном небе; а электрические фонари выхватывали из темноты контуры изобретенной местности и сияли далеко на горизонте серебряными роями, маящими и ободрающими.

В ночной тишине загромычали подводы, проскакали красивые большие лошади и остался звенеть в ушах молодой смех и голоса. Рудничные ребята выехали в подшефное село.

ВВЕРХУ: СЕВЕРНАЯ ШАХТА РУДНИКА ИМЕНИ ЛИБКНЕХТА: описание на каматках рабочие разбирают взрывную породу после взрыва ее динамитом; ВНИЗУ: шахтер в низком забое.

2

ЕЩЕ пятьдесят лет тому назад здесь была нетронутая, заросшая в чело-вечий рост травой, степь. И было маленькое безвестное местечко — Кривой Рог.

И вот рассказывают: жил в этих краях захудалый помещик Польша. У него был лакей, человек бывалый, Сибирь и Урал пешком исходивший. Гулял этот слуга однажды по балочке, нашел там камень и узнал в нем руду. Приходило тогда он к Польша и говорит ему: «Это не простой камень, это есть железная руда». Вот Польша и стал тогда действовать, и вся слава досталась ему.

А на самом деле не он руду открыл, а простой человек — слуга его.

Так говорил старый шахтер. Но ученый инженер, принявший меня в своей лаборатории среди склянок, колб и камней, не согласился с ним.

Польша был страстным археологом. Попав, в поисках за курганами, в Криворожский район, он не мог не обратиться внимания на совершенно особые горные породы, встретившиеся здесь.

Первую железную руду нашел Польша на скале «Орлиное гнездо». Заросла эта скала не-

проходимым лесом и была недоступной. Три дня с топором в руках прорубал себе Польша дорогу к вершине и, когда, наконец, выбылся, — отбил на самом верху камень, и это был кусок высокопробной железной руды.

Теперь никому неизвестно, где находилась эта скала, неизвестно, был ли у Польша слуга, и он ли навел своего барина на след руды.

Зато сохранилась грустная повесть о дальнейших мятрствах Польша. Не легко было в тогдашней России начать живое дело. Обратился Польша в Петербург к царским бюрократам, но те над ним посмеялись: «Зачем нам руда? У нас Урал есть. Хватит железа нам». Бросился тогда к капиталистам русским, и те на него холодно посмотрели, а кто и с усмешкой, — не с ума ли сошел человек: какое дело предлагает, попробуй поднять его, девственную степь в промышленный район обратить, рудники, электрические станции, железную дорогу построить. — Не хватило энергии у тогдашнего капиталиста российского.

А Польша между тем делал разведки, ездил, хлопотал, добивался и почти все свое состояние просадил на это. И вот, накануне разорения, один выход у него остался, — продал свое последнее добро и поехал во Францию. А там, конечно, за него обемни руками ухватились. Организовали французы акционерную компанию с Польша, закупили несколько участков и приступили к разработке руды. И в первые же годы заработала компания миллионное состояние.

Тогда лишь взялась за ум и наша отечественная буржуазия. Началась бешеная горячка. Каждый руд открыл руду на новых участках; люди, ложившиеся нищими, просыпались богачами.

Кривой Рог стал расти, украшаться каменными особняками новых миллионеров. Весь район зажил буйным темпом

американской жизни. К началу войны здесь уже добывалось 390 миллионов пудов руды в год—две трети всей добычи железной руды в России.

3

СВЕРХУ не видно дна карьера. Снизу увидишь только клочек синего неба вверху. Когда мы подходили к карьеру, казалось, он спит, бездействует. Мелькала в глубине фигура шахтера, но представлялась игрушечной.

Мы спустились по лестницам вниз. В тени, под отвесной скалой, группа горняков беседует перед скамой в живописной позе итальянских разбойников. Сюда не доносится шум из внешнего мира, но уже кипит своя симфония труда—из звуков и движений.

Кругом проложены легкие рельсы и трубы, по которым течет сжатый воздух, в скалистых отвесах карьера зияют черные отверстия—входы в шахту, рельсы бегут в них, и по их тоненьким блестящим спицам катятся вагонетки, гонимые рабочими. Твердо упираются ноги в землю, все тело поддается вперед, и руки, напрягаясь железными мускулами, гонят вагонетку—в ней 50 пудов руды, и двое рабочих должны сvezти 24 таких вагонетки в день. Вот вагонетка доказалась, опрокидывается кузов, и уже пустая мчится назад, да на минуту не останавливаясь.

Мы входим в шахту. Черный коридор освещается горящими лампочками, каждый раз приходится уступать дорогу бегущим вагончикам. Мы спускаемся в сторону и попадаем в камеру. Оглушает визжащий стремительный стук, и в том месте, где он рождается, из чернеющей скалы брызжет сноп искр; наши лампочки освещают фигуры двух рабочих, сдерживающих рвущийся из руды пневматический молот.

Железной руды не возьмешь никакой киркой или долотом. Ее можно только взорвать; и воздушный молот просверливает отверстие, куда закладывается динамит.

В темных галлереях не отличишь дня от ночи. Работа, не прерываясь ни на минуту, идет в три смены. Производительность труда обогнала довоенную. Рабочий день каждого загружен до предела.

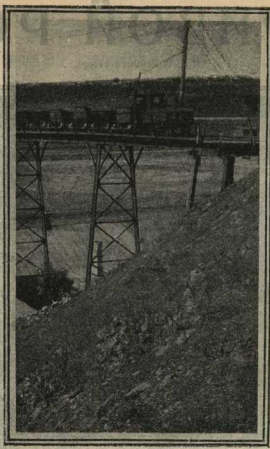
4

В 1922-м году железорудный район, впервые после гражданской войны, дал 5 миллионов пудов руды.

В 1819 г.—когда пришли немцы, шахтеры ушли с красными, создав свой 4-тысячный Криворожский полк. Тогда загудели орудия, и шахты остановились. Скоро их стала заливать вода. Некоторые рудники были снесены с лица земли окружающим населением. В глубоких карьерах поселились лисины.

А в этом году производственная программа рассчитана уже на добычу 170 миллионов пудов; и довоенный уровень будет достигнут в ближайшие два года. Но здесь довоенный уровень меньше, чем где-либо, представляется идеалом.

Вот, пример, на котором легче всего представить себе буйный темп, каким зашагает этот гигант советской промышленности в ближайшие годы.

БЕНЗИНОВОЗ ОКТЯБРЬСКОГО РУДНИКА: он перевозит вагонетки с рудой, которые раньше перерабатывались ручным способом.

Сейчас почти каждый рудник питается электрической энергией со своей станции. Чтобы удешевить эту энергию, строятся, и в апреле будет пущена электрическая станция на 8 тысяч киловатт для всего железорудного района, но такой станции хватит только на полтора—два года. И вот уже заложена электростанция, рассчитанная на 400 миллионов пудов добычи в год; однако, рост добычи предполагается такой сильной, что станция сразу строится со способностью расширения, несмотря на то, что через 6—7 лет здесь рассчитывают получать энергию уже с Днепростоя.

И району, действительно, есть, куда расти. Каждый представляет себе, как нуждается в железе наша металлургия. Мы, конечно, можем переработать на своих заводах всю добычу руды.

Но она уже расчистила себе путь и за границу. В этом году продана первая крупная партия руды в Германию. Наши инженеры, приехавшие оттуда, сообщают, что криворожская руда прельстила немцев своим качеством и уже вытесняет на немецком рынке шведскую, бывшую там до сих пор монополисткой. И с каждым днем возрастает давление рудника за рудником, наби-

раются новые сотни рабочих, подготавливается уже постройка металлургического завода в Кривом Роге, а сам Кривой Рог, небольшой городок, бурлит, как муравейник, пестрит красными лицами шахтеров, серыми передниками каменщиков, отстраиваются многоэтажными каменными домами, громяхает подводами и растет с такой быстротой, что местные сплетницы не успевают запомнить лица приезжающих, не то, что выведать их подноготную.

5

В ЭТОМ железорудном районе я увидел новую, густую и высокоценную руду—рабочую молодежь. Она лежала нетронутой в недрах дремлющей России, и лишь острое кайло Октября обнажило ее. И эта руда неизвестной глубины пошла в обработку. Не один, не десяток, а всей своей массой потянулись молодые шахтеры в комсомол в рабфаки, в вузы, в горные техникумы, чтобы выйти оттуда новыми людьми, блестящим материалом для социалистической стройки, как выходит железо из доменной печи, этот, поистине, благородный металл трудового общества.

6

ПОЗАДИ рудника, упираясь в крестьянские поля, высится клуб горняков. Двухэтажный и стройный, он стоит, как корабль в этом море ржи. Вечером над ним вспыхивают электрические сгни, и с балкона льется адаль музыка.

В клубе—театр, читальня, кружки, а перед ним садик, в котором гуляет молодежь. Перед глазами мелькают платки, силуэты, перелетаясь со взрывами смеха и праздничным весельем.

И оттого, что в этой толпе только рабочие, пришедшие сюда после тяжелого трудового дня, и что все знают друг друга и живут общими интересами, становится легко и радостно. И кажется, что из будущего выхвачен кусок социализма, и ты счастлив, что тебе пришлось это увидеть.

КАРЬЕР РУДНИКА ИМЕНИ АРТЕМА: снимок показывает вход в шахту и вагонетки с рудой. В центре снимка два шахтера держат пневматический бур.

ТОПЫГИНСКАЯ БАНДА

М. ПОДЗЕЛИНСКИЙ, иллюстрации Д. МЕЛЬНИКОВА

В ЭТОМ ГОДУ такой радости я еще не испытывал, как сейчас, и все только потому, что завод два двухнедельный отпуск. Катая, куда хочешь! Может быть, дерну бы в дом отдыха, но меня приглашают куда лучше, чем в „дом“, где парят кости наши заводские старики. Одним манером—еду в деревню. Пускай парят кости, а мне, у которого дух прет к самому чту ни на есть беспокойству, отдых в „доме“—один бронхит. Петька, мой приятель, когда узнал о моем намерении, то даже не удивился:—Эка невидаль,—деревня... Вот ты бы сказал куда-нибудь в пески Туркестана, али в горы Кавказа,—это я понимаю... настаивая жизнь, а то... деревня... туда райком тебя может послать в любое время и без отпуску, а не то, чтоб...—и пошел это он мне говорить на тему „лицом к деревне“, и начал рассказывать, мол, какой из меня деревенский работник, коли я грабли держат не умею и не понимаю, что за штука—черепокосница, и какие существуют законоположения по разделу земли, и что, мол, даром глаза крестьянам буду мозолить, и что это отрицательно подействует на авторитет комсомольца и...—о чем только он ни говорил,—одним манером, насчет всяких этих предположений умел он изобразить лучше как и не надо.

Ну, спервоначала я и впрямь насерезил физию, а после не удержался, да как фыркну. И пошло, и пошло—я заливается, а Петька только и знает, что тарачит глаза, да слышывает на рыжие сапоги.

Никак парень не может понять моего смеха. Жаль стало беднягу, выхватил я из кармана блузы письмо и начал читать самое главное место этого знаменитого послания от Игната, моего хорошего товарища:

„Слушай дорогой Сашуха, клан ты вышиби, сматывая ко мне удачи, отдохнешь ты в деревне по-комсомольски. Валияй прямо в Толпыгино. Хорошее место, а, главное, отдых тут весь в борьбе. Сил мало, а успехи одерживаем немалые. Ты помини, как на допризывных сборах я рассказывал о борьбе с бандами во время продрозверстки? Не правда ли захватывающая штука? Ну, так Толпыгинская банда в этом раз сильнее и опаснее и действует она как бы невидимо, но разубедительно“.

Последние слова я нарочно растянул и прочел нараспев,—это чтобы Петьку совсем в удивлении сварить. Ну, и верно, сварился парняга. Сначала не поверил, сам взял письмо, потом стал доказывать, что в 1925 году банд нигде нет, кроме уголовных, но я на него наступал ссылаясь

на авторитетное заявление Игната, и Петька сдался. Напоследок он мне сказал: — „Ладно, поезжай, но найди где-нибудь браунинг“.

Браунинга я не нашел, зато обещал самым аккуратным образом посылать Петьке сводки с бандитского театра борьбы...

Что же дальше? Поехал— вот что дальше.

Самым буржуйским порядком занял место в 3-м классе, достал на станции кипятку, купил баранок; попиваю и в идею люблюсь.

Ну, про то, как я ехал, и говорить не буду, потому очень уж скучная для вас штука.

Одним манером никаких приключений, кроме того, что с няпьяном посперил насчет выборов в советы, у меня в дороге не было. На третий день, как раз под воскресенье, слез с „максимки“ на пустой глухой станции, а вернее, на поустанке. Ночь... Никого не видно. Пошел шарить по станции. Отискал стрелочника. Подожку. Так, мол, и так, как добрыться до Толпыгина? Берй, григ, моги под мышку и дуй по дороге, што за колодцем начинается. Много, спрашиваю, иттить?—Куда? Да до Толпыгина. Верстов с сорок,—отвечает. История, думаю, паршивее и не надо, а ежели (опять это я к нему)—лошадью? Можн, григ, и лошадыми. Подожди с час, отсюда поедет подвода, коли заплащать—подвезет. Сел на землю, гложу в небо, а там миры эти самые перемеживаются огоньками и в простор тгнут. Через час у домика услышал скрип подводы, а возле мужик возится. Обяснил, в чем дело. Выслушал он меня подозрительно, оглядел, я тоже на него уставился. Здоровый мужик, черный, заросший—одним манером—таинственный.— „Фабричныйбудешь?“—спрашивает меня.

—Да, говорю. „Ладно, седай, леиет с тебя не возму. Только до самого Толпыгина не дозуй, потому мне совсем в другое село лужно“. Удивился я, а больше подозреним заторелся. Сели. Поехали. Ну, начал я понемногу на разговор своего подводчика вытягивать:

—А што, дядька, как у вас ноне в деревнях, спокойн?

—Жаль стало беднягу, выхватил из кармана письмо

—А чево ему быть беспокойным-то, чай войны нету.

А сам зевает во как, видно, спать хочет.

Кто соблазнить ли на сон, думаю, хочет. Кто его знает, местность-то бандитская. Надо быт на-чеку.

—Да, говорю, а между прочим внутри волости-то как?

—Слава те господи, беспокойств тоже не имеем... Хозяйство налаживаем.

А сам по сторонам глазами брысь-брысь.

Сиротой казанкой, думаю, притворяется, правду боится ляпнуть.

Трясемя дальше. Вдруг он поворачивается ко мне:

—А што, товариш, по газетам за границы слыхать?

Ловкач, думаю,—тему свернуть хочет.

—Што-ж,—отвечаю,—идет борьба рабочих и крестьян с капитализмом.

И сразу с места в карьер:

—А как у вас банды вывелся, али нет?

Он точно свинцом налился, под эдницей аж сиденье хрустнуло.

—Ба... ах... нды... ого, го. Пяток годков на 1 мая бабахнуло, так здесь не то што человека, муху не обидели.

Он с обижанным видом хлестнул лошадь.

Ну и мужик, думаю, конспиратор лучше и не надо... не иначе как замешан сам в банду. И кому тут верить: Игнатову ли письму или я этому человеку. Конечно, поверю скорее Игнату. Ну, едем мы дальше. Он начинает спрашивать про новые за-

—А что, дядька, как у вас ноне в деревнях, спокойн?

— Ну, первым делом, напали на меня тольгинские собаки...

коны: о налоге, о кредитных товариществах, а я, по правде сказать, в них (совестно признаюсь), ни гу-гу. Футболом больше занимался, чем газетой.

Ну-с, он свое, а я свое.

— А как, грю, у вас комсомольцы работают?

Ну, думаю, сейчас начнет сыпать проклятия.

А он: — комсомольцы-то... што ж хорошие они у нас парни... сам увидишь.

Я как услышал, аж в сердцах выплюнул: ну, тут-то, думаю, врешь ты, голубчик, как синий мерин.

— А вы сами комсомольцем будете?

Сразу на вы это ко мне-то он, и в бороду улыбается.

Ну, что тут ему сказать. Вот ведь бедага навязалась:

— Да, грю, я член Российского Коммунистического Союза Молодежи.

Показалось мне, что он крикнул. Дернул вожжами и прямо в лес. Дорога-то как раз в лес ныряла.

Однако, проехали опять же без всяких приключений и лес, выехали в поле, а в небе, глядь, зорька играет и видно, как в низинах туман клубится. Ну, и в конце-концов распрощался я со своим таинственным подружком. Пожал его лапу, поблагодарил его, он еще мне дорогу раскочевал. Подошел я в самый разгар дня к этому самому Топьгину. Большое село. Ну, первым делом напали на меня тольгинские собаки. Едва отборялись. Вот думаю, проклятая местность: болочка на союзнам теле, собаки и те живут бандагитским наклонностям. Потом встретил нарядных баб, в церковь видно сыплют. Дурман, видно, не успели вытопить из своих дуриных голов. А когда зашел внутрь села, то увидел меня удивило спокойствие кур, телат и мальчишек. Как будто и в самом деле никаких банд нет. А когда подошел к избе-читальню, то застал огромнейшую толпу крестьян бородатых и безбородых, а середь них, кто бы вы думали, был сам стернага Игнашка. Стоит и ораторствует. Верно, бороться, думаю, с бандой призывает крестьян. Подошел ближе, аи, нет, совсем другая речь. Как сейчас помню, говорил он такое: «Товарищи крестьяне, вот вам пример: голландская корова в год дает 500 ведер молока, а наша иной раз и 50 не дает. А почему, мол, трава плохая наша, али воздух

другой. Нет, не в этом дело, а в том, што системы ухода у нас нет за скотиной... и дальше он стал доказывать, что прошедшей зимой в Топьгине 35% всех коров были простужены и молока дали меньше, чем в позапрошлом году, когда зима была не такая яловатая. А почему позапустились коровы, потому что хлева тольгинские ни к торту не стоят — дыра на дыре. А ведь, мол, это разорение. Телый хлев на каждую корову сберегает здоровье коровы, увеличивает удои и сберегает крестьянину добрый воз сена и вообще все такое. Ну, крестьяне стоят, слушают. Оли серьезно, другие поспевают в бороду. Последнее не иначе как сочувствуют банде, может быть даже кулаки.

Словом, вижу Игнашка агропропаганду занимается, а про бандитов ни гу-гу. Кочил он, пошли вопросы разные, я уже не слушал. Терпенье лопалось. И, наконец, влетел в гущу, и Игнаша за руку. Тот сначала ахнул (верно подумал, что бандиты), а потом давай меня тискать в объятиях. Пошли к нему, когда кончилась беседа с крестьянами. По дороге я ему ставлю вопросы на стаянок:

— Слушай, Игнат, говори прямо, справились вы с бандой уже или нет?

... Как взоркотел смеком невестивным, я аж сверток с баранками уронил.

— Нет? Так что-ж это у вас ни красноармейцев, ни милиции и вообще охраны не видно.

— Зачем охрану-то? — выпучил глаза Игнат.

— Как за чем, а ежели нападут?

Поверите ли, как схватили мой Игнат тут за живот, как загрохотал смеком невестивным, я аж сверток с баранками уронил. А потом и сам начал хохотать. В передышке, еле удерживаясь, спрашиваю: Чорт ты этакой-ской, да ты што-ж пугли для мне насчет банды-то?

Успокоился кое как парень, выскоркался:

— Нет, Сашук, не наврал я тебе, а оно так и есть... только позабыл я тебе приписать в письме объяснение, о какой банде идет речь. Под бандой наши тольгинские комсомольцы понимают все то, что в нынешних условиях препятствует деревне стать на путь коммунизма, начиная от полевых вредителей и кончая невежеством здешних крестьян. С этой-то бандой наша ячейка и повела борьбу... — и пошел, и пошел он философствовать.

Опять иду я, и только диву даюсь, да окромя всего досада берет: вот, ведь, в какое дурацкое положение попал. А от Игнаша я действительно необыкновенные вещи услышал. Перво-наперво самого Игнаша я не узнал. На заводе он был, об агрономии и понятия не имел, а сейчас поговори с ним, он тебе политику партии на селе, и агрономия знает, как свои десять. И расказал же он мне такую штуку. Когда Игнат приехал в Топьгине, тольгинские комсомольцы драматическим искусством занимались и лекции по астрономии читали, и больших трудов стоило заставить их забросить это увлечение и заставить интересоваться качеством навоза. Прихлопнули мы, — рассказывал он, — драматическую халтуру, и по директиве 6-го Всесоюзного съезда сельскохозяйственный кружок сколотили. Привлекли молодежь, примирились с учителем, его завербовали, и начали купленного поросенка по всем правилам науки откармливать. Ну, и откармили, что вся деревня ахнула. Начали уважать нас мужики, а мы возьми, да объяви борьбу с сорняком, что несметные убытки крестьянским полям причиняет. Беспартийная молодежь помогает изо всех сил. Сейчас связались с кооперацией, думаем выбить кулацкие пятаки из Топьгина. В избе-читальне налаживаем работу. Сыплются в комсомол заявления, даже от девушек, только с родителями ихним приходится жарко сражаться. Ну и вот... — Игнат откинул голову назад, вроде как бы замечтался, — держит мое внимание одна такая мысль об электрификации Топьгина, а знаешь, Сашук, база-то есть, у нас тут имеется хорошая водяная мельница, круглые сутки бежит вода и вот я смекаю, кабы это турбинку... жаль средств нет, когда-нибудь раскачаем деревню...

Говорилу мы с ним целую ночь, а через пару дней я принял за работу. Досадо, что скоро кончится отпуск. На днях я собираюсь послать подробное письмо Петьке о том, как тольгинская банда с каждым днем тает и тает и как ее нужно искоренять.

ПОБЕДИТ ЛИ ДАРВИНИЗМ?

В. МУРАЛЕВИЧ

КАК ИЗВЕСТНО из „Истории города Глухова“, жили некогда на свете великие и славные народы „годовотьяны“, „ужеды“, „тубошелы“, „рукоси“, „проломленные лбы“ и другие. Прославлялись они тем, что „лаптем щи хлебали“, „левой ногой сморкались“, „в трех осинах заблудились“ и напоследок „комара на веревке топить водили“.

К этим достопамятным народам нынче осязательно присоединяется еще один: в штате Теннесси (в Северной Америке) Дарвина засудили. Призвали учение его ложным, а всех тех, кто это учение распространял, — сеятелями отвратительной безнравственности и нарушителями общественного порядка, караемыми... 100 долларами штрафа.

Эту именно сумму и должен был уплатить некий школьный учитель городишки Дайтона в штате Теннесси после длинного судебного процесса, в котором на учителя обрушивал все громы сам постоянный кандидат в президенты С. А. Соединенных Штатов — Г. Браун.

Разумеется, вместе с учителем особенно жестоко пострадала дарвиновская теория о происхождении человека от обезьян. Конечно, теория никаких штрафов не платила; но за то она была признана „самым богомерзким“, что есть в жывом и безнравственном учении безбожника „Дарвина“.

В чем же дело? Почему двинул американский суд такую тяжелую артиллерию, как Браун и его присные, против скромного дайтонского учителя? Почему суд демократической Америки не постыдился прославиться на весь свет не хуже головоуловя?

Что „жывого“ в учении Дарвина и чем оскорбил нравственность дайтонский учитель, ознакомивший своих школьников с учением Дарвина?

Учение Дарвина очень просто и вместе с тем гениально. Все жывые существа, учил Дарвин, крайне разнообразны; нет на свете ни одного, которое походило бы на другое, как две капли воды; даже листья одного и того же дерева черемуху отличаются один от другого, а у всех их всегда есть различные признаки, отличающие их один от другого.

Признаки эти полезны жывым существам, и тогда такие признаки облегчают их существование, или вредны, и тогда они затрудняют их существование.

Существа с полезными признаками скорее добывают себе пищу и жилье, скорее составляют себе семью и лучше оберегают свое потомство, чем те жывые существа, у которых есть вредные признаки. В жизни, поэтому, они сильнее, выигрывают больше и мало-по-малу вытесняют своих слабых противников, обрекая их на смерть.

Потому между сильными и слабыми идет вечное соревнование, конкуренция из-за средств существования, которая и называется борьбой за существование. Во время этой борьбы слабые погибают, а сильные выживают.

Таким образом, в природе постоянно происходит борьба с бор; в борьбе за существование все слабые постоянно отбираются и уничтожаются, а все сильные остаются жить и размножаться на свете.

Так как родители всегда передают детям свои главнейшие признаки, то дети сильных тоже рождаются сильными, хотя и разной степени.

Борьба за существование между этими потомками опять оставит только самых сильных, и, таким образом, все жывое становится все более способным жить в самых трудных условиях жизни, постоянно совершенствуется или эволюционирует.

Большинство ныне живущих растений и жывотных — это усовершенствованные потомки своих несовершенных предков. В том числе и человек: он есть только усовершенствованный потомок некогда существовавших обезьян, подо-

жих на теперешних горилл, шимпанзе или орангутанга).

Вот вся суть учения Дарвина. Для того, кто принимает его учение, не нужно никаких чудес сотворения мира в шесть дней, не нужно Адама и Евы, ни ада, ни рая. Все просто: все произошло путем непрерывной эволюции, путем превращения простых жывых существ в более сложные, притом самым простым способом: отбором в борьбе за существование. И никаких богов — ни земных, ни небесных.

Никаких богов. В этом-то и есть вся суть. В этом-то и лежит причина дайтонской судокомедии. Дарвин слишком больно ударил по богам, а еще больнее по попам и их господам — буржуазии разных калибров. И оттого-то американский буржуазный суд не мог не ополчиться против Дарвина и того учителя, который осмелился знакомить с дарвинизмом американских ребят. Он должен был попытаться зажать рот науке, которая подрывала асты порядок, основанных на затемнении классового сознания трудящихся.

Но удастся ли американскому суду победить Дарвина и его дело?

Никогда. Никакие приговоры никаких судов не могут уничтожить открытой научной истины, а учение Дарвина с некоторыми изменениями теперь доказано тысячами научных исследований, несмотря на бешеные усилия реакционеров очернить и обесчестить эти исследования.

Дарвинизм — это сама точность. И поэтому он и победит, как победила русская революция, опирающаяся на точную науку. Победит, ибо не может не победить.

*) Современная наука, например, полагает, что соотношения между обезьяной и человеком больше соответствуют отношениям двоякообразных обезьян, чем деда к внуку.

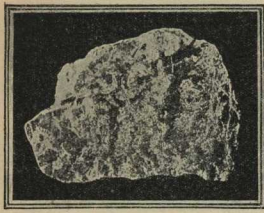
ПЕРВОЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК, жывший в доисторическое время. Этот рисунок сделан на основании последних находок в Родезии (Африка), 1921 г.

ГОРИЛЛА — САМАЯ КРУПНАЯ ЧЕЛОВЕКООБРАЗНАЯ ОБЕЗЬЯНА, жывущая в этой части Африки.

СОВЕТСКИЙ РАДИЙ

Д. ГАЛАНИН.

Фотография снятого при дневном свете кусочка урановой смолки, из которой добывается радий.

30 ЛЕТ ТОМУ назад знаменитый французский физик А. Беккерель открыл, что некоторые вещества испускают какие-то лучи, проникающие через черную бумагу и заставляющие чернеть фотографическую пластинку, около которой они находятся.

Эти вещества были названы им радиоактивными веществами.

Через два года после этого открытия Мария и Пьер Кюри добились того, что они из слабых, по своим радиоактивным свойствам, природных руд выделяли вещество, названное ими радием, имевшее целый ряд свойств, делающих его почти чудесным.

Лучи, испускаемые радием, настолько сильны, что они могут заставить чернеть фотографическую пластинку через толщу свинца в 10 см; сам радий в темноте светится и заставляет светиться многие вещества; радий весьма сильно действует на ткани тела, так что Пьер Кюри получил долго незаживавшую рану на животе, понесши несколько дней в желетном кармане маленькую стеклянную трубочку с несколькими крупинками радия.

Для этого открытия супругам Кюри пришлось переработать в своей лаборатории около 1000 кг природной руды, чтобы получить всего 0,2 гр. радия в виде соединения с другим веществом, хлором.

С тех пор загадочные свойства радия были в большой степени разгаданы и оказалось, что радиоактивные вещества по всей жизни природы играют очень важную роль, несмотря на то, что находятся в очень малых количествах.

Радий все время выделяет из себя энергию, но всегда теплее окружающей среды, так что из него непрерывно выделяется энергия. 1 гр. радия в час может нагреть 130 гр. (около 1/2 чайн. стакана) воды на 1°. Сначала кажется, что это мало, но через час он нагреет воду на 2°, а через трие суток вода будет доведена до кипения.

Он является источником тепла, сила которого не убывает или вернее убывает очень медленно, так как через 1800 лет он сможет доставлять лишь половину той энергии, которую он доставлял вначале.

Это произойдет потому, что радий непрерывно распадается, понемногу обращаясь в свинец. В этом и заключается источник его энергии.

Таким образом, если рассчитать, сколько тепла выделится за это время из 1 гр. радия, то получаются колоссальные цифры. Радий в сотни тысяч раз содержит в себе более энергии, чем уголь или нефть.

Как ни мало радия в земной коре, но вычисления показывают, что тепло, доставленное радием, находящимся в ней, вполне может поддерживать в глубине земли ту высокую температуру, которая наблюдается там.

Рана, полученная Пьером Кюри, вскоре после открытия радия, послужила толчком к исследованиям действия радия на живые ткани и обнаружилось, что радием можно лечить злокачественные опухоли.

Огромное количество людей погибает от болезни, носящей название рак. Причина этой болезни неизвестна, и борьба с ней очень трудна. Эта болезнь заключается в том, что ткань какого-нибудь органа в теле человека, в желудке, кишках, горле, печенке начинает перерождаться. Образуются вместо клеток, необходимых для работы этого органа, клеточки раковой опухоли, и орган перестает работать. Раковая опухоль разрастается в стороны, захватывая все новые органы, и человек умирает иногда в страшных мучениях. Прежде было одно средство: в начале болезни вырезают всю зараженную ткань, но очень часто это нельзя сделать, и человек живет, приговоренный к смерти.

Лучи радия, производящие на теле язвы и разрушающие живую ткань, оказываются, еще сильнее действуют на раковые опухоли. Под влиянием лучей радия опухоль начинает умирать. Для этого достаточно, в течение нескольких часов, в непосредственной близости от нее держать несколько крупинок этого чудесного вещества. Это заставляет смотреть на радий, как на могучее лечебное средство против этой страшной болезни.

Но более того, голландский физиолог Цардемакер делает опыты, показывающие, что без радиоактивных веществ вообще не могут жить ни животные, ни растения.

Оказалось, что особенно сильно действующие минеральные воды содержат в себе следы радия. Очевидно, что в очень малых дозах действие радия на организм весьма благотворно и что воду можно сделать целебной, растворив в ней ничтожно малое количество радия.

Эти свойства радия делают его весьма ценным лечебным средством. Содержащие радий руды являются большой редкостью. Руды около Иоахимсталя, из которых был первый раз добыт радий, почти исчерпаны, хотя из них добыто всего 15 гр. радия. Больше всего радия до сих пор было в Америке в Северо-Американских Соединенных Штатах. Здесь в штатах Ута и Колорадо уже добыто более 130 гр. радия (немного больше полфунта) и до сих пор мировым поставщиком радия была Аме-

Тот же кусок, снятый своими собственными лучами.

рика, но скоро, наверное, с ней будет конкурировать наш Союз.

Ценность радия страшно велика: 1 гр. радия стоит от 200 до 300 тысяч рублей, и спрос на него и для научных, и для лечебных целей растет с каждым годом.

В прелых Союза было до сих пор известно одно месторождение радиоактивных руд—Тюя-Муонский рудник в Ферганской области. Он начал в промышленном масштабе разрабатываться только при Советской власти в 1921 г. по почину проф. Л. Я. Карпова, именем которого назван Бондюжский химический завод, производящий первую обработку добываемой в Фергане руды. Окончательная обработка ведется в Ленинграде в Радиевом институте при Академии Наук.

К началу работы этого предприятия запасы чистого радия в Союзе были очень невелики, не более 1 гр.; теперь за два года работы они более чем утроились.

Недавно (23—24 сентября) в газетах появилось известие, что научный сотрудник Академии Наук Лабунцев около Белого моря открыл огромные залежи радиоактивной руды, весьма похожей на иоахимстальскую.

Академик Ферман, ездивший обследовать это открытие, открыл еще новые месторождения около станции Полярный Круг и считает, что месторождения радиоактивных руд тянутся широкой полосой около 100 километров с севера на юг.

Эти открытия позволяют надеяться, что мы имеем здесь огромные запасы радия, далеко превышающие запасы Америки. Дело только за тем, чтобы их начать разрабатывать.

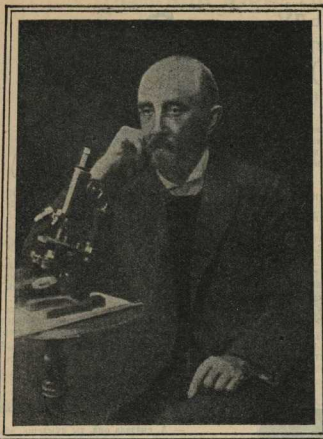
До сих пор Союз в мировом хозяйстве был главным поставщиком двух материалов, без которых не может обходиться мировая промышленность, это—платины (98% мировой добычи) и марганец; теперь скоро к этим весьма важным материалам прибавится радий.

Весной Академия Наук отправляет туда специальную экспедицию для обследования этого района и, наверное, к 10-й годовщине Октябрьской революции можно будет пустить новый завод, вырабатывающий радий и еще больше укрепляющий мощь Союза ССР.

НАУКА В СТРАНЕ СОВЕТОВ

В. М. МИЧУРИН Ф. ЗУБКОВА.

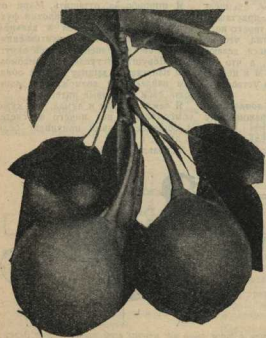

И. В. МИЧУРИН (портрет снят перед Всероссийской сельскохозяйственной выставкой, 1923).

В БУРЖУАЗНЫХ странах часто наука остается «чистой»: она не только не приходит на помощь практике, но пытается уйти от сущности жизни и замануться в научных кельях. Не то с наукой в прославленном государстве — здесь ее все старается поставить на службу трудовой жизни и не даром во время празднования 200-летия Всесоюзной Академии Наук русские ученые гордились тем, что они часто слышат практическим запросом государства, рабочих и крестьян. Блестящим примером этой связи между наукой и практикой, наукой и крестьянской нуждой является работа И. В. Мичурина, как бы вновь рожденная Советской властью.

Мичурин работает не со вчерашнего дня. В октябре 1923 года исполняется 50 лет его научной и практической работы в сельском хозяйстве. Значит, работал он и при царском режиме. Но в этот период времени, несмотря на огромные достижения свои, Мичурин и его огромная лаборатория едва прозябали. Только Советская власть дала возможность расширить дело и работу Мичурина так, как они этого заслуживали.

Что же сделала Мичурин для крестьянина и что сделала для Мичурина Советская?

СПЛЕВА: ГРУША «БЕРЕ-КОЗЛОВСКАЯ» — один из лучших сортов летних груш. Выведена в 1808 г.

В СЕРЕДИНЕ: РЕИКОЛА ЗОЛУСТИЙ. Имеет средней величины сочный сладкий плод. Плодучи Мичуриным, путем скрещивания черноплодной и желтого реиклода.

СПРАВА: КУКУРУЗА «МИЧУРИНА» — новый сорт, отличающийся высокими качествами.

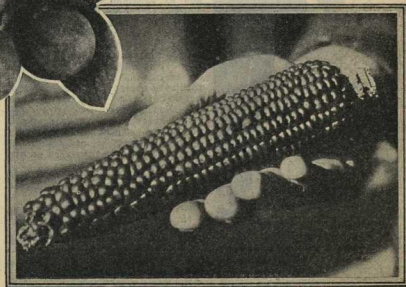
После 20-летних опытов по улучшению огородных и плодовых растений, Мичурин первый, тридцать лет назад, открыл, что единственным способом поднятия нашего сельского хозяйства является введение новых, улучшенных сортов растений путем образования помесей между нашими местными растениями и растениями южного или иностранного происхождения. Но Мичурин не только сделал это открытие, он еще и нашел способ, как сделать и размножить такие помеси и, притом, способами, доступными всякому внимательному и аккуратному сельскому хозяину. В настоящее время им выведено более 100 новых, улучшенных сортов плодово-ягодных, декоративных и огородных растений, которые раньше не могли расти в южной средней и северной части СССР. Многие из этих новых сортов (мичуринские яблоки, груши, вишни, сливы, ягоды) по своей доходности превышают старые сорта больше, чем в 10 раз, а по своим качествам — лучшие заграничных сортов. Все открытия Мичурина теперь подтверждены западно-европейской и американской наукой.

Почему же царская и помещичья власть так мало Мичуриным интересовалась. Дело просто: садоводство и огородничество было делом не столько помещичьим, сколько крестьянским. Трудоемкое садоводство и огородничество русская буржуазия охотно уступала малоземельному крестьянству, а сама предпочтала снимать с дачки с огромных угодий, занятых зерновыми хлебами. Каким садоводством (разве лишь из прихоти) мог, например, интересоваться Орлов-Давыдов при своих 1-200 000 десятинных землях, дворянских и при плохих урожаях миллионные доходы. Между тем, огородничество и отчасти садоводство составляло важный подсобный промысел для крестьянства, который часто спасал его от нужды и голода даже при малоземельях. Всякое улучшение в этом деле остро интересовало крестьянина и совершенно

ВИШНЯ «КНЯЖНА СЕВЕРА». Одно из лучших ранних достижений И. В. Мичурина. Выведена из вишни и черешни и дает крупные, розовые плоды до 3-х см. в диаметре.

Живет и работает Мичурин близ г. Козлова Тамбовской губернии. В этот незамысловатый на географической карте городок теперь приходят иногда целые планошности от голландских цветоводов, французских садоводов, американских фермеров и плантаторов. И если они не только преклоняются, но если теперь по словам Мичурина начинают ита сельскохозяйственная Франция, у которой садоводство и огородничество уже неславо уныло весь мир, то только потому, что рабоче-крестьянская власть протянула руку помощи Мичурину и подняла его на ту высоту, на которой он теперь стоит. Новейшие Мичуринские труды, открывавшие трудовому крестьянству новые источники благосостояния и довольства, а всему СССР — твердую базу для обновления главной статьи своего хозяйства — сельского хозяйства — есть детище Советской власти, и ко дню ее торжества об этом надо сказать твердо и ясно. Привет Мичурину, его друзьям и помощникам.

Почему Арчибальду Брей не нравятся комсомольцы?)

Р. РОМАН, иллюстрации К. УРЕБИТА

музыка заиграла, и хорзавел торжественную кантату призывательного типа:

Мы так рады,
Мы так рады,
Что еще нам дурным надо?
Туалеты!
Туалеты!
Хорошая кантата!

Наш местный член рабочей партии, приглашенный к нам по рекомендации Маконалла, сказал прощальную речь, в которой сравнил себя с плодом, а рабочий класс с корнями могучего дерева, именуемого обществом.

Я обещал ему прибавить жеманное и произнес блестящую ответную речь.

— Скидывай пиджак! — сказала детина. На то я ответил: — Сейчас холодно, и пиджак снимать не гигиенично.

Однако, такое культурно-просветительно-замечание было детнино оставлено без внимания.

— Скидывай пиджак, а то я тебя и в пиджаке обучу желанному обращению. Я провозглашу свою культурно-просветительную линию: — Вы рассуждаете неадекватно. Какая связь между сниманием верхнего платья и желанному обращению?

Тогда детина уже совершенно ислотично подошла к моему лосу какой-то черной предмет, оказавшийся при ближайшем исследовании кулакком.

Я убедился, что мой нос напоминает бифштекс.

На вокзале меня встретила депутация с цветами.

Мы меня спрашивают, почему я не люблю комсомольцев?

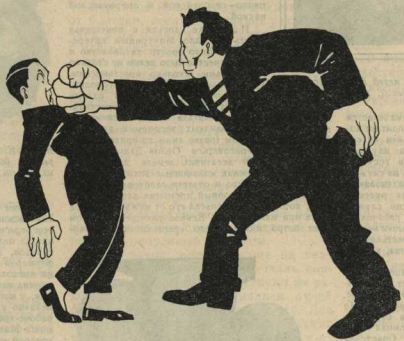
А почему бы вы думали? Я Джон Арчибальд Брей, старший сын владельца суконой фабрики в Манчестере. Лучшие суки Арчибальда Брей. Главная контора в Сити, Лондон. Мне 19 лет (и недурная наружность), и я на будущий год поступаю в Оксфордский университет.

По окончании колледжа я имею целый год для отдыха и развлечения. Я начал свой отдых с маленькой экскурсии на фабрику отца, и вот тут впервые я познакомился с этими комсомольцами.

По правде сказать, фабрика меня интересовала мало.

Меня привлекало другое. В самом деле, кто бы не моего места отказался бы от удовольствия походить по собственному заводу, приваяв своим почтениям со стороны собственных рабочих, благодарных рабочих (ведь, я им даю право работать и есть свой хлеб).

Вначале все шло как по маслу. На вокзале меня встретила депутация с цветами, при входе моем на завод

Эй, ты, обещай с пробором. — Это вот видишь!

Затем я стал осматривать завод. Что мне больше всего понравилось? О, на это я смогу вам дать исчерпывающий ответ. Больше всего мне понравилось удивительное глаза одной из работниц — Мэри Йорксер, а также ее гибкий стан.

Это была форменная достопримечательность нашего завода. Конечно, я захотел с этой достопримечательностью ознакомиться подробнее.

— Пусть заведет ко мне вечером вот эта девушка. Позовите вечером, — говорю к мастеру, сопровождающему меня.

— Хорошо.

И я превозмучу удовольствие... общения с рабочим классом.

После обеда я решил сделать маленький моцион и отправился на прогулку пешком.

Недалеко от дома меня остановила какой-то детина с красненьким явчком:

— Ало, Джон — олякнула она меня. Не будучи ему официально представле, я продолжил свой путь.

Однако, малый адресовался, очевидно, ко мне, так как сказал:

— Эй, ты, обещай с пробором! Стой, когда тебе говорят!

Пробор у меня действительно был, и я остановился.

— Это вот видишь? — Я не бласзурю и сказал, что вижу.

— Ну, так вот. Если ты, исплетатор соловьяш, будешь приставать к Мэри Йорксер, то я на твоего носа сделаю бифштекс. Я ответил, что не люблю, когда из моего носа делают простоварные кушавья, а что касается Мэри Йорксер, то я к ней не приставлю, а лишь желал бы установить связь с рабочим классом.

Тут я почувствовал, что лондонский экспресс выезжает на полном ходу в мою физиономию.

Когда я очнулся, то убедился, что действительно мой нос несколько на-

поминает бифштекс, и даже с подливкой.

Приведя домой, я подумал о некультурности и неадекватности рабочей молодежи и... тщательно промыл нос.

К вечеру пришла Мэри Йорксер. Для того, чтобы придать моему беседе с представительницей рабочего класса более дружеский характер, и приготовил фрукты, пирожки и сладенький ликер.

— Здравствуйте! — сказал я.

Что бы вы ответили на это приветствие?

Я думаю, тоже здравствуйте.

Но Мэри Йорксер оказалась не в меру болтливой:

— А, сказала она, ты думаешь, что я пришла за тем, чтобы слушать твой гнусавый голос (мой теор), чтобы видеть твои кривые ноги (мои ноги лучшего фотострелца (Пикадилли), чтобы покататься счастливо болноу твоей физиономии (мое интеллигентное...)?

— Нет, я пришла, чтобы половить в твою лино от имени всей рабочей молодежи.

И что бы вы думали? Она плюнула, с меткостью лучшего стрелка Англии, в самую середину моего носа.

Не успев я отшатнуться от изумления, как эта скорострельная выстрела вблизи уже распахнула окно и закричала на весь Манчестер:

— Эй! Смотрите, как буржуазные сынки осматривают милостыню поправившихся на деушечки. Им мало, что они пьют нашу кровь на фабриках, им нужно еще сделать из нас органы наслаждения, игрушку минутной притохти...

На дворе оказалась уже внушительная толпа, которая кричала и улюлюкала по моему адресу, вызвала меня самым противостественным выкриком впроде «поросский убаюток», «буржуазная маршанка», «сопя в шибелах», и проч.

Я попробовал отшатнуть Мэри от окна, но она оказалась неслыхной футболисткой, и я отлетел в дальний угол, по крайней мере, с десятью синяками. А ее голос звелел на весь округ:

— Девушки! Вступайте в комсомол! Там вы будете вы эшчту от всех обид, там вы будете вы возможность защищать свои классовые интересы.

Я лежал в углу и думаю, что хуже комсомольцев нет ничего на свете, и обещание с ними причинит боль и душе, и телу.

(Сколько синяков!)

ОТ РЕДАКЦИИ: *)

В середине октября 25 г. английские власти арестовали секретаря ЦК английской комсомолы — Вильяма Ристо. Позднее, комсомольцы причисляют бесконечно не только сынкам бифштексов, но и их полевкам — английской буржуазии. Арт Ристо показывает жестокость английской комсомолы на рабочей молодежи.

Я обещал прибавить ему жеманное и произнес блестящую речь.

Я пришла, чтобы половить в тебе лицо от имени всей рабочей молодежи.

АКЦИОНЕРНЫЙ БАНК ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ „ЭЛЕКТРОБАНК“

Основной капитал 10.000.000 рублей, полностью реализованный.

ПРАВЛЕНИЕ БАНКА: Москва, Петровка, 3. Тел. 5-34-82, 4-02-34 и 4-02-31.

ФИЛИАЛЫ БАНКА: Северо-Западная Областная Контора в ЛЕНИНГРАДЕ,
Закавказская Краевая Контора в ТИФЛИСЕ,
Агентство Конторы в БАКУ.

ФИНАНСИРУЕТ: Электрификацию сельского хозяйства, постройку и переоборудование районных и местных электростанций (тепловых и гидравлических); постройку и переоборудование силовых станций, трамваев и телефонных станций; электрические железные дороги; электрификацию промышленных и заводских предприятий; радиофикацию, а равно и переоборудование электросилового хозяйства при реконструкции, рационализации и расширении всякого рода предприятий.

ПРОИЗВОДИТ: Все предусмотренные Уставом банковские операции, как-то: вкладные, учетно-ссудные, товаро-комиссионные, валютно-фондовые, переводные (заграничные) и другие, импорт и экспорт электроизделий.

СПЕШИТЕ ПРИОБРЕСТИ **ТОПЛИВО!**

Московский Городской Банк

ОТПУСКАЕТ **ТОПЛИВО** В КРЕДИТ

ПО ОПТОВЫМ ЦЕНАМ МОСКВОТОПА

на условиях выплаты долга по **древесному топливу** в течение 5 месяцев и по **твердому минеральному топливу** до 1-го мая 1926 г. ЕЖЕМЕСЯЧНЫМИ ПЛАТЕЖАМИ.

Проценты и комиссию БАНК по этому **ТОПЛИВО** кредиту **НЕ ВЗИМАЕТ.**

имеется разных сортов и пород как **древесное**, так и **твердое минеральное**.

ЗА ПОЛУЧЕНИЕМ КРЕДИТА

обращаться в ОТДЕЛ РЕМОНТНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ССУД при Правлении Банка, Ильинка, 12, тел. № 2-79-69, а также во **ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И АГЕНТСТВА БАНКА.**